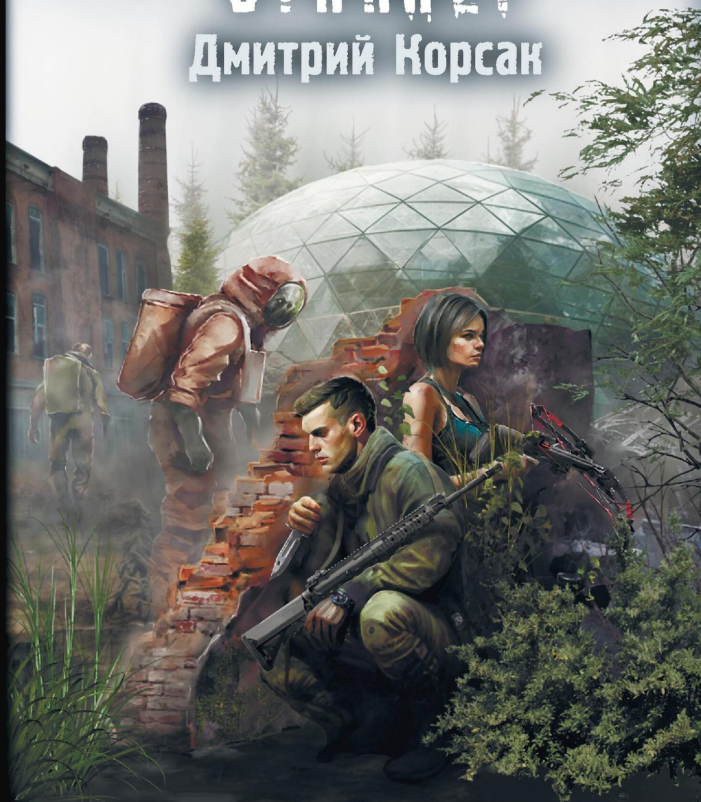

СТРАЖЕР

Дмитрий Корсак

[БЕЛОЕ НЕБО]
ПРИ НЕОБХОДИМОСТИ УНИЧТОЖИТЬ

Дмитрий Корсак
Белое небо. При
необходимости уничтожить
Серия «Апокалипсис-СТ»
Серия «Белое небо», книга 1

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69187183*

*Белое небо. При необходимости уничтожить. Фантастический роман:
АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-154796-7*

Аннотация

Что может быть привычнее для проводника, чем сопровождение по аномальной Зоне группы ученых? Однако на этот раз с самого начала все пошло не так: и маршрут пришлось менять, и поведение ученых вызывает подозрения, да еще и какие-то сомнительные личности то и дело попадают на пути следования...

А самая главная странность – это установка, данная проводнику его настоящим руководством: при необходимости он имеет право уничтожить всю группу. Но что кроется за этим негласным приказом и чем грозит его выполнение самому проводнику?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	79
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Дмитрий Корсак
Белое небо
При необходимости
уничтожить
Фантастический роман

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Корсак Д., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Белое небо Забайкалья

16 августа, 11:25¹

Сначала в небе раздался далекий стрекот, затем из облаков вынырнула пятнистая тушка Ми-17. Сержант Бахаев сощурил и без того узкие глаза, пытаясь прочитать надпись на корпусе вертолета. То, что армейский, и так понятно, тут интересно другое – последние цифры в буквенно-цифровом коде. Последними оказались 01, что означало принадлежность к Забайкальскому сектору Аномалии, или попросту Зоне. Значит, не соврали ребята из округа: внеплановая проверка пожаловала.

– Минут через пять сядет, – слышалось над ухом тяжелое дыхание майора. – У тебя все готово?

– Так точно, товарищ майор! – отчеканил Бахаев, не уточняя, что имел в виду – накрытый стол или хозяйство в целом.

Хозяйство – здание КПП, смотровая вышка, двухэтажный кирпичный корпус, где размещался личный состав и оставались приезжие, да пара уазиков на стоянке – у Бахаева и раньше содержалось в лучшем виде, а уж перед приходом начальства он порядком накрутил рядовым хвосты. Даже площадку возле КПП окатили из шланга да прошлись

¹ Здесь и далее указано местное время.

свежей краской по надписи «СТОП» перед воротами. Ну и сами ворота подновили, конечно.

– Смотри, ежели что, – раздраженно буркнул майор.

«Что-то сильно он волнуется», – подумал Бахаев, глядя на патрона.

Сам-то Бахаев был спокоен. За те шесть лет, что он тянул контракт на границе Зоны, на КПП не произошло ни единого инцидента, зато руководство сменилось аж трижды – все при первой возможности норовили свалить отсюда в Читу, в Амурск, в Улан-Удэ, куда угодно, лишь бы подальше. Зачем? Чем здесь-то плохо? Тишина и раздолье. Не понимал он этого, как не понимал и чужих страхов. Ну, Зона под боком, и что? Ну, начальство с проверками пару раз в год приезжает. Ну, ученые туда-сюда шастают. Так разве ж это повод для беспокойства? Начальство скоро улетит обратно, отведав кабанчика под домашнюю наливочку, а ученые... С ними Бахаев всегда находил общий язык. Сделают вылазку на пару часов в Зону за образцами, да бегом обратно, а вечером – та же наливка, приправленная старинными бурятскими легендами. Убойное сочетание, любого ученого в момент приведет в великолепное расположение духа. Не было еще случая, чтобы от Бахаева кто-то уехал обиженным.

Вертолет опустился на площадку, аккуратно поставив шасси на продольные линии посадочного «Н», тяжело качнулся и осел на амортизаторах. В открывшейся двери показался алюминиевый трап, к которому и поспешил, одергивая

на ходу мундир, майор.

Но, вопреки ожиданиям майора, по трапу спустился не иркутский полковник, а вовсе даже невысокий чернявый человек за пятьдесят. Он суетливо сбежал по ступеням, потом спохватился и поднялся обратно. Поднатужился, выволакивая здоровенный рюкзак, зацепился лямкой за торчащий рядом с дверью поручень, судорожно задергался, пытаюсь освободиться, и чуть не скатился по трапу вниз. Если бы не подоспевший майор, точно бы сверзился.

«Как же он в Зону с такой поклажей пойдет?» – с жалостью подумал Бахаев, разглядывая гостя.

Следующим из вертолета вышел иркутский полковник. Вяло махнул рукой взявшему под козырек майору, чем сразу установил неформальность визита, и широким шагом направился к зданию КПП. Майор потрусил рядом, что-то показывая и объясняя на ходу. Бахаев, хоть и стоял поодаль, почти физически ощутил, что майора попустило.

Третьим на асфальт молодежато спрыгнул хлыщ – именно так сержант окрестил высокого парня в стильной ветровке и дорогих трекинговых ботинках. «Хлыщ» легко подхватил яркий, вполне профессионально упакованный рюкзак, другую руку протянул показавшейся в дверном проеме женщине. Та помощь не приняла, молча спустилась по трапу, по пути одарив хлыща ледяным взглядом.

Женщину Бахаев разглядывал с любопытством – слабый пол на КПП бывал не часто. Однако к нынешней посетитель-

нице эпитет «слабая» никак не подходил – в женщине чувствовался внутренний стержень, характер. Где-то под сорок, черные волосы подстрижены в короткое каре, и сама одета во все черное, прямо Сара Коннор, только без автомата. Могла бы быть красивой, если бы не сосредоточенный, совсем не женский взгляд да слишком независимый вид. Бахаев с удовольствием оглядел стройную фигуру, начиная от высоких берцев и заканчивая обтянутой черной майкой грудью. На последней Бахаев надолго задержал взгляд, аж причмокнул от удовольствия: «Хороша!»

А гостя, едва оказавшись на земле, схватилась за телефон. Из ее сердитых криков – говорила она по-французски – Бахаев понял, вернее, почувствовал: случилось что-то серьезное. Закончив короткий разговор, женщина выругалась сквозь зубы – уж тут-то можно было не сомневаться, Бахаев даже знакомое *merde* разобрал – и нервно дернула молнию кармана, убирая смартфон.

Последним по трапу спустился худощавый жилистый человек среднего роста. Его загорелое, слегка угловатое лицо с рано поседевшими висками показалось Бахаеву знакомым. Армейский? Но почему не в форме? Ученый, бывавший в предыдущих экспедициях? Вряд ли. Сталкер? Тоже не сильно похож – за шесть лет Бахаев порядком насмотрелся на эту братию. Сталкеров, как они сами себя называли, с их вечно бегущими хитрыми глазками, он научился различать на раз – выползают из Зоны с хабаром, что-то делают, ссорятся и

делано удивляются, когда их берут за причинное место: «А разве мы на охраняемой территории?» И хорошо, если вы-ползают целыми, не искалеченными Зоной, а то по-всякому ведь бывает. Нет, не похож этот тип на сталкера, и глаза его – глаза убийцы. Серо-голубые, холодные, льдистые.

Сержант внимательно следил за последним гостем, а тот неторопливо отошел к разделительным бетонным балкам, загораживающим проезд, поставил на землю аккуратно упакованный рюкзак и закурил. Явно не новичок. Спокоен. Даже слишком, в отличие от остальных. И одет так, будто уже не раз бывал в Зоне, – никаких новомодных туристических примочек, все по делу.

Проводив полковника под локоток в столовую, прямым к кабанчику с наливкой, майор вернулся к ученым. Однако его предложение отдохнуть с дороги было встречено в штыки.

Чернявый бросил сражаться со своим громадным рюкзаком, подскочил к майору и возмущенно взмахнул руками, причитая:

– Ой вей! Какой отдых! Мы и так выбились из графика! – Похоже, у ученых он был главным. Если, конечно, это действительно были ученые.

– Не время, – коротко по-английски бросила женщина.

– Лучше будет, если мы выйдем прямо сейчас, – поддержал ее худощавый.

– Спасибо за приглашение, на обратном пути непременно

но, – улыбкой попытался сгладить ситуацию «хлыщ».

– Как угодно, – обиженно поджал губы майор и повернулся к Бахаеву: – Открывай ворота.

Бахаев махнул скучавшему на КПП солдатику – открывай, мол, – и направился к сторожевой вышке.

Тем временем худощавый молча подошел к рюкзаку руководителя группы, отстегнул клапан и стал выбрасывать вещи прямо на землю.

– Олег, что вы себе позволяете! Ле! – Чернявый от возмущения начал путать русские слова с ивритом.

На земле среди других вещей оказалась жестяная коробка с аляповатыми цветами на крышке.

– Не трогать! – завопил чернявый.

– Там вам это не понадобится, – коротко ответил тот, кого называли Олегом.

Но хозяин коробки резво подскочил, схватил жестянку и затолкал поглубже в изрядно потощавший рюкзак.

– Так мы выходим или нет? – по-английски спросила женщина.

– Выходим, выходим, – пробормотал чернявый. Он уже успокоился. – Ой вей! Мартина, Павел, собирайтесь, только вас ждем.

Рядовой нажал кнопку на пульте, и ворота с натужным скрипом начали отъезжать в сторону. Четверка людей шагнула в открывшийся проход.

Бахаев наблюдал за ними с вышки. Отсюда, с Большой

земли, Зона выглядела сплошным белым маревом. Молочная пелена густого тумана, скрывающего всё и вся. Говорят, что там, в тумане, обычный забайкальский лес, река, там по-прежнему растут березы и сосны, водятся лисы и волки. Говорят, природа там совсем не изменилась, внешне все осталось прежним, а что творится внутри – об этом лучше не знать. Не для людей это, и человеку там делать нечего. Дед Бахаева, уже будучи совсем слепым, рассказывал, что духи предков предостерегали от походов за границу тумана. Эх, расспросить бы деда сейчас, но он уже умер, а нынешние шаманы – не чета деду, верить им – себя не уважать, настоящих сагаан боо уже не осталось.

Четверка людей на фоне белой стены выглядела неестественно четко. Но прежде чем сгинуть в белом ничто, им предстояло преодолеть буферную зону – метров сто, отделяющих белое марево от бетонного забора.

Первым шел руководитель группы – самый возрастной член экспедиции. Мелкие неуверенные шажки и неловко топорщащийся за спиной рюкзак выдавали в нем кабинетного затворника. Он неуклюже ступал по бетонным плитам и с любопытством вертел головой. За ним шли Мартина с «хлыщом». Клинья он к ней подбивает, что ли? Худощавый Олег замыкал процессию. Сержант не ошибся насчет его опытности – шагал он уверенно, по сторонам не глазел – явно не раз бывал в Зоне.

Руководитель группы достиг белой стены и остановился в

замешательстве – так всегда бывало с новичками. Потоптался на месте, нерешительно оглянулся на закрывшиеся ворота, потом собрался с духом и, сделав большой шаг (так пробуют ногой ледяную воду), пропал. Вскоре в пелене тумана скрылись еще две фигуры. Четвертый член экспедиции не спешил, застыв перед белой завесой. Но эта пауза не была страхом новичка перед неизвестностью. Наоборот. Встреча старых знакомых – вот на что это похоже. Друзей? Врагов? Кто знает. С вышки Бахаеву показалось, что человек молится. Договаривается с духом Зоны? Сержант не сомневался, что такой есть. Но вот и последняя фигура скрылась в мареве тумана.

По древнему бурятскому обычаю сержант завязал на железном шесте лоскут ткани – на удачу, прикрыл глаза и за неимением шаманского бубна принялся негромко выстукивать ритм прямо на металлическом корпусе прожектора. Он негромко запел, прося духов быть благосклонными к людям. Он так делал всегда, когда кто-то отправлялся в Зону. Хоть дед Бахаева и считал, что шаманский дар передался внуку, сам сержант думал иначе, да и в транс впадал лишь однажды, в детстве. Он просто просил за тех, кто уходил в Зону, не рассчитывая на ответ. Но сейчас Зона ответила.

Бахаев почувствовал, как его сознание то ли проваливается в нижний мир, то ли, наоборот, взлетает ввысь. Он пел не переставая, стараясь хоть что-то запомнить из мелькавших перед закрытыми глазами жутких картин. Вместе с послед-

ней пропетой нотой на его глазах выступили слезы.

* * *

16 августа, 12:10

Олег Гончар не молился. Когда до белой завесы остался один шаг, он, как и всегда, на мгновение застыл на месте. Страх не было, ему не раз приходилось нырять в туман, пауза была своеобразным приветствием, данью уважения противнику (иначе он Зону не воспринимал), возможностью для Аномалии вспомнить его.

Шаг вперед, мимолетное ощущение, как нечто инородное коснулось сознания – дотронулось, считало и отпустило. И вновь впереди тянулась раздолбанная бетонка, проложенная военными неведь куда и зачем в этой глуши. Необычным было лишь небо. Никакого синего цвета, сплошная ровная белизна, словно художник, рисуя пейзаж, решил не закрашивать часть белой бумаги.

Запах хвои мешался со сладковато-медовым ароматом растущей по обочинам дороги таволги, в трещинах бетона проглядывали молодые сосенки – природа брала свое. Только чего стоит эта видимая безмятежность? Здесь, поблизости от границы, беспокоиться нечего, а дальше... Дальше всякое может случиться, тем более с неопытным человеком. В том, что их группа состоит из таких, Гончар не сомневался – по сторонам глазают, кустов боятся. Оставалось лишь

удивляться, что для длительной научной вылазки, первой за последние лет шесть, были выбраны новички.

Размышляя о тех, с кем ему предстоит провести ближайшие три дня (именно столько должна продлиться экспедиция), Гончар еще раз постарался уложить в голове все, что узнал о своих коллегах.

Александр Лазерсон – биохимик с мировым именем, профессор Кембриджа и Тель-Авивского университета, почетный член нескольких академий и прочие бла-бла-бла. Шестнадцать лет назад круто сменил как профессиональные интересы с микробиологии на биохимию, так и место жительства, уехав из России. Зоной никогда не интересовался и никогда в ней не был. Так что же изменилось сейчас? Что подтолкнуло немолодого профессора покинуть уютный Кембридж и отправиться в Забайкалье?

Мартина Нойер, физик из ЦЕРНа. Родилась в Нанте, изучала физику в Цюрихе, до ЦЕРНа работала в Германии и Бельгии. Замужем, есть сын. Муж – известный дипломат и русофоб. Судя по теме диссертации, госпожа Нойер занималась кварками, антиматерией и прочими малопонятными обывателю вещами, но, заметьте, отнюдь не физикой аномальных явлений. Так почему же вдруг она сейчас здесь?

Павел Симанский, биолог экспедиции. Мутный тип. С отличием окончил Петербургский университет, стажировался в США, работал в различных лабораториях корпорации «Меркурий», щедро разбросанных по всему миру. Соглас-

но официальной информации в Зоне никогда не был. Сфера профессиональных интересов, как и у двух других членов экспедиции, далека от проблем аномального сектора. Как и Лазерсон, не женат, но в отличие от первого – тот еще ловелас.

И это называется эксперты по Зоне? Что они могут понять и оценить? Одна радость, что поведет он их по максимально безопасному маршруту, и плевать на то, что они там себе наметили. Хотя насчет безопасного – заранее загадывать не стоит. В Зоне все время что-то меняется, а с его последнего посещения Забайкальского сектора, или попросту Зоны, прошло уже четыре месяца.

– Привал, – выдохнул шедший первым Лазерсон.

Он уронил на землю рюкзак и уселся на траву. Серая футболка на спине темнела пятнами, на лоб свешивались мокрые от пота пряди волос.

– Устали, профессор? – Симанский участливо смотрел на спутника. – Попейте водички, полегчает. А пока вы дух переводите, я тут немного прогуляюсь по окрестностям.

– Никак окрестностей! – резко осадил его Гончар. – Не разделяемся. Вляпаетесь в «кисель» – без ног останетесь.

Биолог досадливо поджал губы, но промолчал.

– Мы прошли всего четыре километра, – по-английски заметила Мартина. В ее голосе сквозило неприкрытое раздражение. В черной майке и солнцезащитных очках она была похожа на героинь всех боевиков сразу. – Такими темпами

мы и к ночи не доберемся до места.

– Согласен, – кивнул Гончар. – Дальше дорога станет труднее.

– И вовсе я не устал, – запальчиво возразил профессор, – просто мне нужно произвести замеры поблизости от границы Зоны. – Затем, перейдя специально для Мартины на английский, добавил: – Кстати, вам тоже не мешало бы вспомнить о науке. Или вы на прогулку вышли?

– Я сама решу, когда и чем мне заниматься! – моментально ошетибилась та.

– Замерами и образцами займемся на метеостанции, – остановил профессора Гончар. – Мадам Нойер права, до темноты нужно добраться до места. Или вы хотите заночевать в лесу? Волки будут рады.

– Значит, теперь ты у нас главный? – усмехнулся Симанский, буравя Олега взглядом. – Активист-самовыдвиженец?

– Ой вей, – буркнул Лазерсон, но возражать не стал.

Ну и команда подобралась, вздохнул про себя Гончар, выйти не успели, а уже полный разброд и шатание.

– Подъем! – скомандовал он.

– Яволь, мой женераль, – усмехнулся Симанский.

Лазерсон уступил место в авангарде Олегу и теперь плелся в хвосте под присмотром Симанского. Мартина молча шагла рядом с Олегом, целеустремленно глядя вперед. А ведь она впервые в Зоне, должна вопросами сыпать. Куда же делось женское любопытство, не говоря уже о пытливости уче-

ного?

За стволами молодых березок показались проржавевшие останки вертолета – значит, они углубились в Зону на десять километров. На корпусе «вертушки» еще сохранилась белая краска, и даже можно было прочесть надпись «МЧС России».

Вертолет здесь лежал с самого появления Аномалии. Поначалу феномен пытались исследовать с воздуха. Но пока поняли, что в Зону можно въехать разве что на велосипеде – ни электрика, ни двигателя внутреннего сгорания здесь толком не работали, – угробили три «вертушки» и семь беспилотников. И если автомобили, застрявшие в нескольких десятках метров от границы Зоны, еще можно было вернуть, помучившись с ручной лебедкой, то «вертушки», залетевшие в Зону на километры, пришлось оставить. Теперь их остовы ржавели, обрастая мхом и становясь жилищем для мелких животных.

Иногда лопасти вертолета начинали сами собой вращаться, ломая ветви подросших березок. Была такая странная особенность у техники, оставшейся в Зоне, – включаться самопроизвольно, хотя никакого источника питания и в помине не было. Откуда она брала энергию, какая сила заставляла ее двигаться, никто так и не понял. Впрочем, чего ждать от этого ненормального места, где химические и физические законы выполнялись не все и не всегда? Впрочем, сейчас лопасти вертолета безжизненно свешивались, словно усы

огромного грустного таракана.

Симанский догнал Олега. Биологу явно хотелось поговорить.

– Ты уже бывал здесь?

– Да.

– Давно?

– Относительно, – уклончиво ответил Гончар.

Вспоминать о последнем визите, когда погиб Стефан, не хотелось.

– В твоём резюме написано, что ты геолог. Чем Аномалия может заинтересовать геолога? – не успокаивался Симанский. – Кстати, как называлась твоя диссертация?

Надо же, он и резюме успел прочитать. И вопросы каверзные задает.

– Я же не спрашиваю, на хрена в экспедиции второй биолог, когда первый – аж целый профессор, – проворчал Олег.

– Камень в мой огород? – усмехнулся Симанский. – Но этому как раз есть объяснение. Лазерсон занимается пылевой плазмой и аномальным течением химических реакций, а моя тема – синтетическая биология, хотя сейчас меня больше волнуют тайны и загадки Аномалии. Вот, к примеру, почему в Зоне существует запрет на убийство для людей? Животным убивать можно – и друг друга, и венца природы, а человеку – ни-ни?

«Значит, за загадками охотишься, – подумал Гончар. – И в центр Зоны тоже за загадками рвешься?» Вчера в Иркутске,

когда обговаривали маршрут, Симанский настаивал, чтобы тот в обязательном порядке проходил через пятый квадрат, где находятся развалины старой лаборатории. Но не только Симанский стремился в центр. И Лазерсон непременно хотел собирать свои образцы не где-нибудь, а в пятом квадрате. И мадам Нойер рвалась туда же – она тоже хотела изучать пространственно-временные аномалии и квантовую запутанность исключительно в пятом квадрате. Только шиш вам.

Пятый квадрат в просторечии называли Пятой точкой, а то и Жопой – потому что места там гиблые, ловушки одна на другой, а хабар – если и найдешь, еще добыть надо. Даже сталкеры избегали это место, хотя мозги у них совсем набекрень.

Олег вспомнил свой разговор накануне вылета с полковником Костюченко. Приказ начальства был четким и ясным: никто из членов экспедиции не должен попасть в пятый квадрат.

– Так все-таки секретный НИИ там был? – спросил Гончар на вводной. Ответом было едва заметное движение бровей – шеф явно не хотел развивать тему, но любопытство победило субординацию: – Значит, правду говорят, что Зона – результат неудачного эксперимента? Испытание нового вида оружия, да?

Полковник тогда снизошел до пояснений, хотя мог бы этого не делать:

– Да какое там секретное НИИ, – невесело хмыкнул он, – старые заброшенные бараки, остались еще со времен войны, когда пленные японцы лес валили. А восемнадцать лет назад, перед самым образованием Аномалии, какая-то частная контора, «Меркурий» вроде, биолaborаторию там разместила, «Биотех-5» называлась, изучать природу Забайкалья собиралась. Когда чертовщина началась и небо над головой побелело, эти горе-ученые сразу в штаны наложили, приборы, технику – всё бросили, драпанули так, что только пятки сверкали. Сталкеры, которые до центра Зоны добираются, даже если и травят байки о секретной лаборатории, то веры им особой нет: на то они и байки, чтобы им не верить, а вот коли заговорят ученые – совсем другое дело. Если они до лаборатории доберутся, а потом раструбят о ней, вони будет на весь мир... Как же – вот она, причина и источник появления Зоны! А вот и главная виновница – Россия. А обстановка в мире и так непростая... – Тут шеф опять скривился и в сердцах добавил: – И никому в голову не придет обратить внимание на вторую точку Аномалии – Фолкленды. Для мировой общественности все будет ясно: русские, испытывая сверхоружие, проткнули Землю насквозь. А то, что британцы еще в восьмидесятых чуть ли не атомную войну развязали за кусок никому не нужной земли с пингвинами, ничего не значит? Может, они уже тогда что-то знали? А американские эсминцы, тусовавшиеся, как девки на дискотеке, у этих клочков суши в океане, тоже не в счет? Не-ет, – полковник

покачал лысой макушкой, – делай что хочешь, но чтобы ни один высоколобый из этой экспедиции в пятый квадрат не попал, а если попадет – из Зоны чтобы не вышел.

Неявный карт-бланш на устранение был дан, да только он не убийца. Гончар это и сам знал о себе, и Зона была с ним согласна. Убийцы в Зоне не выдерживают, сходят с ума.

– Ты уж постарайся, Олежек, и не серчай. Сам понимаешь, кроме тебя послать некого, – бубнил полковник, провожая Гончара до дверей.

Почти заискивающее прощание шефа вызвало у Олега сочувствие, смешанное с отвращением. Хотя Гончар его понимал – людей много, а послать некого. Леван и Карп погибли месяц назад, Стас, ходивший с ними в Зону, вернулся с ранением и еще не оправился. Месяц в больничке – по меркам Зоны ничто, раны за это время залечить можно, но что делать с выгоранием? Олег видел «сгоревших», восстанавливающих нервы в госпитале. Пугливые, слезливые, потухшие – эти люди вызывали только брезгливую жалость. У них внутри остался исключительно страх, а на страхе идти в Зону – погубить и себя, и всех остальных. Хмурый – тертый, опытный, осторожный – тоже не вариант, он двух слов связать не может, а третье непременно матерным окажется, куда ему с учеными? Молодняк? Неопытный и горячий? Ну-ну. Вот и получается, что прав полковник – лучше Гончара у него никого нет. Разве что в центре Зоны никогда не бывал – ну так не беда, вести группу туда как раз не нужно. Зато

университет окончил, сойдет за своего, ежели о науке порассуждать придется. И приказ выполнит, и болтать не станет. Такой вот Олег Гончар – правильный и удобный со всех сторон. Эту свою характеристику он однажды случайно подслушал у дверей начальственного кабинета.

А Симанский тем временем переключился на Мартину.

– Не поведаете, что думает современная физика вот об этом? – потыкал он пальцем вверх, указывая на белеющее над кронами деревьев небо.

– Разное думает, – лаконично ответила Мартина.

– Жаль, очень жаль. – На лице биолога появилось деланое сожаление. – Я считал, наконец-то физики пришли к единой теории. А вы лично какой гипотезы придерживаетесь?

– Отвали.

Сказано это было грубо, совсем не по-женски.

Симанский остановился, поджидая профессора.

– А вы что скажете?

– Ой вей, Павел, давайте не сейчас, – деля свистящий вздох после каждого слова, простонал Лазерсон.

Через пару километров дорога почти исчезла. Бетон закончился, а старая грунтовка превратилась в заросшую просеку. Двигаться в густой траве стало тяжелее.

Как бы не пропустить поворот к метеостанции, подумал Гончар. Четыре месяца назад он был отмечен ржавым указателем, легко просматривающимся сквозь голые ветви деревьев, а сейчас, в августе, среди буйно разросшейся зелени

указатель и вовсе мог остаться незамеченным. Но обошлось. Зато здание метеостанции они увидели далеко не сразу, пришлось поплутать среди ельника и кустов бузины, пока вышли к сероватому деревянному срубам с покатою крышею. Удивительно, но в окнах сохранились стекла, зато крыша в одном месте прогнила и обвалилась.

Гончар подошел к железной бочке, вросшей в землю у остатков крыльца, набрал в ладошку воды, поднес к лицу. Затхлый, земляной запах шибанул в ноздри. Пить такое нельзя, тут никакие обеззараживающие таблетки не справятся.

Внутри здания было сумрачно и прохладно – оконные стекла с налипшей грязью плохо пропускали свет. В большой комнате вдоль стены расположились стеллажи со старой рухлядью, у другой стены пристроился большой деревянный стол с парой неказистых табуретов. Спертый воздух и поднявшаяся с пола пыль говорили о том, что здесь давно ничего не было. Кастрюля, в которой четыре месяца назад Гончар кипятил воду, стояла там же, где он ее оставил. Гончар бросил взгляд на засохшие багровые пятна на столе и отвернулся.

Вторая комната – жилая – сохранилась лучше. Топчан с заскорузлым матрасом, шкаф с отвалившейся створкой, раковина, электрическая плитка – такая же ненужная, как и лампа, свисающая с потолка. И темные пятна на полу. Четыре месяца назад они были ярко-алыми.

– Да, не «Хилтон», – присвистнул Симанский, пройдясь взглядом по облупившейся краске на стенах.

– Мы что, должны здесь остаться на ночь? – неприязненно заметила по-английски Мартина, оглядывая помещение. Очки она сняла и теперь вертела их в руках. – А это что? – Она поскребла ногтем столешницу. – Кровь?

Олег отвернулся, чтобы она не видела, как исказилось его лицо.

– Зато ночью здесь безопасно. Впрочем, как хотите, а я остаюсь, – справившись с собой, сказал он.

– Здесь грязно и сыро.

– Есть печка. А что касается грязи – наломайте веток и выметите сор.

Мартина недовольно скривилась.

– Если поторопимся, до темноты доберемся до турбазы, – возразила она.

Гончар расстелил на столе карту.

– Мы здесь, – ткнул он пальцем во второй квадрат, – а турбаза вон там, в седьмом. Расстояние больше пройденного. И никакого подобия дороги, наоборот, ландшафт сложный, неровный, так что время в пути нужно увеличивать раза в полтора. Плутать в темноте – то еще удовольствие.

– Если пойдем напрямую, через пятый квадрат, то успеем до ночи.

Опять этот чертов пятый квадрат!

– Будем придерживаться плана. Выйдем рано утром, а

сейчас, пока не стемнело, можете заняться своими замерами, прибраться в доме или приготовить ужин.

Он отвернулся, показывая, что разговор окончен, и начал распаковывать рюкзак. Лазерсон, усевшись на топчан, стянул ботинки и с блаженным стоном шевелил пальцами. Мартина вышла, а Симанский принялся крутить ручки на древней радиостанции. «Она давно не работает», – хотел сказать Гончар, но не успел. Внезапно раздался треск помех, что-то захрипело, а потом мужской голос тихо, но внятно произнес: «Вызывает „Биотех-5“. Код шестьдесят шесть. Нужна срочная эвакуация».

Симанский побледнел и отдернул руку.

– Как?.. Что это?

– Одна из самых безобидных причуд Зоны, – хмыкнул Олег. – Иногда выключенная и неисправная радиостанция самопроизвольно включается и несет какой-то бред.

– Разный или всегда один и тот же?

Гончар с удивлением посмотрел на биолога.

– Ну... Бред, спрашиваю, всегда один и тот же или разный?

– А это имеет какое-то значение?

Симанский не ответил. Он вновь склонился к передатчику, задумчиво крутил ручки, морщился каким-то своим мыслям, кусал губы, но рация молчала.

Гончар понаблюдав за ним немного и, мысленно пожав плечами, вышел на воздух. По пути сорвал сосновую вет-

ку с парой раскрывшихся коричневых шишек и направился к поляне, где когда-то стояла метеорологическая будка. Теперь от приборов остались лишь ржавые обломки, более-менее целым сохранился лишь древний термометр, предсказывающий будущее, – еще один артефакт Зоны. Если задать вопрос, единственный, самый важный, то он ответит «да» или «нет». «Да» – температура поднимется выше нуля, «нет» – прибор покажет заморозки. Но ответит он только один раз.

Олег пока ничего не спрашивал. Единственный вопрос, который его волновал каждый раз, когда он бывал в Зоне, – вернется ли он домой живым? – задавать не решался. Потому что не знал, что будет делать, если получит ответ «нет». А больше и спрашивать не о чем. Даже когда умирал Стефан, о чем было спрашивать? Сумеет ли он спасти друга? Он и сам понимал, что не сумеет. Чем могла помочь простая аптечка, когда на Стефана живого места не было? Даже кровотечение остановить не получилось. Тут нужны операционная, хирурги, аппаратура, но все эти блага цивилизации находились далеко. Слишком далеко.

Оставив приборы в стороне, Гончар направился к невысокому холмику с самодельным крестом из стволов молодых березок. Положил на могилу сосновую ветку, вздохнул: «Ну здравствуй, вот и свиделись». Именно поэтому и не хотелось идти в Зону сейчас – слишком свежо воспоминание, – но начальство уломало: «Кто, если не ты? Кто справится лучше тебя? Надо, Олег, надо». Вот и весь разговор.

Возражать начальству, тем более когда оно право, Гончар не привык. Надо – значит, надо. Тогда он только кивнул, получив приказ, но добавил про себя: «Я не убийца».

Гончар поправил крест, постоял с минуту у могилы и направился кружным путем обратно. Попутно заметил, что около термометра стоит Мартина. Она открыла дверцу будки и теперь смотрела на прибор так, словно собиралась прожечь его взглядом. Красивая женщина, вот только ведет себя так, будто весь мир против нее.

На другом конце поляны Лазерсон совершал странные движения. В вытянутых вверх руках он держал необычный, по всей видимости, самодельный прибор и кружился на месте. Искал солнце, которое здесь никогда не видно? Направление на Венеру, чтобы ее свет «отразился от верхних слоев атмосферы и вызвал взрыв болотного газа»? Или ловил сигналы из космоса, от инопланетян? Да, некоторые (причем среди этих некоторых попадались даже мастистые ученые) считали, что Зона – дело рук инопланетной цивилизации. Неужели профессор из таких?

Лазерсон перестал крутиться, недовольно крякнул, отошел на несколько метров, и все началось заново.

– Профессор! – крикнул ему Гончар. – Далеко не уходите, вы не в саду Меира.

Но Лазерсон только отмахнулся.

Олег вернулся на метеостанцию. Открыл окна и дверь, чтобы помещение как следует продуло, прибрался. Симан-

ский, хоть и находился внутри, помочь не спешил. Увидев Олега, он торопливо свернул карту, которую изу чал. И хоть сделано это было быстро, Гончар заметил характерные линии и значки, которыми пользовались сталкеры. Карта была другой, не той, которую им выдали перед выходом в Зону, а гораздо подробнее, да еще и с проложенным кем-то маршрутом. Похожая карта лежала в потайном отделении рюкзака Олега – нашел в вещах Стефана. Хотел разобраться с пометками, пройти по его маршруту, но так и не сподобился.

Убрав карту, биолог подсел к радиоприемнику и принялся задумчиво крутить ручки верньеров. Неужели его так зацепила та странная передача? Полная же бессмыслица.

Понаблюдав за ним немного, Гончар занялся ужином. Достал из рюкзака припасы, наклонился, открывая заслонку печи, и тут за спиной раздались торопливые шаркающие шаги – в комнату ввалился Лазерсон. Странного прибора с ним не было.

Профессор выглядел так, будто за ним гнались все страхи Зоны, и никак не мог отдышаться. Привалившись спиной к стене, он лихорадочно дергал язычок молнии на ветровке и растирал грудь.

– Нойер! – наконец, задыхаясь, выговорил он.

– Что случилось?

– Шаровая молния, – выдохнул Лазерсон.

– Черт!

Олег бросился к выходу.

Он не обязан никого спасать, не за этим он тут, но и оставить человека в беде он тоже не мог.

Шаровые молнии – оранжевые, белые, голубые – в Зоне возникали совершенно неожиданно и так же неожиданно пропадали, предугадать их появление было невозможно. Некоторые сталкеры считали молнии одним из органов чувств Зоны, другие видели в них лишь когти и зубы Аномалии, выставленные против незваных гостей. Защиты от молнии не существовало, тут главное не запаниковать, единственное правильное поведение – не дергаться, застыть на месте и молиться, чтобы она не тронула.

Гончар выскочил на поляну и резко остановился. Машинально отметил, что вокруг непривычно тихо – даже птицы замолкли.

Мартина стояла не шевелясь – то ли от испуга, то ли знала, что именно такое поведение дает больше всего шансов выжить. В широко распахнутых зеленых глазах застыл ужас. На уровне груди перед ней висел светло-голубой огненный шар размером с футбольный мяч. От его центра змеились тонкие разряды, но они не касались тела женщины, затухали раньше.

Успокаивающими жестами Гончар показал, что она все делает правильно. Больше ничем помочь он ей не мог.

Шар подлетел на уровень глаз Мартины, завис, пульсируя, затем одним неуловимым движением переместился за ее спину. Гончар лихорадочно замотал головой, давая понять,

чтобы Мартина не двигалась, но она, похоже, и не собиралась. Шар поднялся еще выше и теперь висел прямо над головой Мартины; белые разряды, став гуще, обтекали ее сверху, из-за чего ее фигура оказалась внутри светящегося кокона.

Свечение прекратилось так же внезапно, как и началось. Ослепительно-яркий шар свернулся в точку в одно мгновение, как будто и не было, и Мартина упала на руки едва успевшему схватить ее Олегу.

* * *

17 августа, 7:15

– Он пропал! – разбудил Олега голос Мартины. – Да проснитесь же! Павел пропал!

Не открывая глаз, Гончар сел, откинув в сторону верх армейского спальника. Он все еще плохо соображал со сна.

– Кто пропал? – еле ворочая языком, пробормотал он по-английски.

– Симанский! Ушел и не вернулся!

Олег приоткрыл глаза. В дверном проеме стояла Мартина.

– Ой вей, да вышел парень по нужде, и все дела, – донесся сонный голос с топчана.

Сначала на единственном подобии спального места хотели разместить Мартину, но она наотрез отказалась, оставшись с Симанским в другой комнате, и козырное место до-

сталось профессору. Олег лег рядом на пол.

– Ушел больше часа назад и не вернулся, – в голосе Марины слышалось беспокойство. – С ним что-то случилось!

Стрелки наручных часов показывали начало восьмого. Значит, ушел в шесть утра.

Гончар распустил молнию армейского спальника, поднялся и босиком прошлепал в соседнюю комнату. Вещи Симанского – рюкзак и спальник – были на месте. Может, действительно вышел «до ветру», хотя... Фляги и ножа нет. И карты, которую он изучал вчера, тоже. Гончар порылся в аптечке. И тут, похоже, поредело изрядно. Решил, значит, не дожидаться остальных и рванул в одиночку, налегке? Вопрос только куда – на Большую землю или в центр Зоны. И было ли это заранее продуманным решением или на подобный демарш его подвигли вчерашние сюрпризы – шаровая молния и странная радиопередача. А может, задумал до выхода группы по-быстрому сгонять к какому-то из ближайших артефактов?

– Ну?

Мартина нетерпеливо смотрела на Олега. Он молча пожал плечами – не делиться же с ней своими догадками.

– А если с ним что-то случилось? – напирала она.

– Что вы предлагаете? – по-английски буркнул Гончар. – Искать? Так Зона большая. Ждать? Час? Два? День?

– Ну... Я не знаю.

«А если не знаешь, зачем суетишься?» – мысленно про-

ворчал Гончар.

Он расстелил на столе карту. Из артефактов поблизости находился лишь Одинокый шар – ничем не примечательное образование, разве что идеальной формой и густым черным цветом. Вернее, для сталкеров не примечательное, а для исследователя, впервые оказавшегося в Зоне, – вполне. Полчаса туда, полчаса обратно – если ушел к Шару, то скоро должен вернуться. Если, конечно, не случилось ничего плохого. Непривычному к Зоне, да и к тайге тоже, заблудиться – раз плюнуть. Компас дурит, солнца не видно – как ориентироваться? Хотя природа ведет себя так, будто ничего не изменилось: кроны деревьев все так же имеют южную и северную стороны, мох по-прежнему растет на северной стороне стволов, муравьи строят свои муравейники с более пологим южным склоном – да только откуда кабинетному ученому об этом знать? Для него все деревья в лесу одинаковы.

– Ладно, – решил Олег. – Профессор, поднимайтесь. Через час выдвигаемся.

Но через час они никуда не выдвинулись. И через два тоже. За это время Олег успел прогуляться до Шара и вернуться обратно. Трава вокруг метрового матово-черного шара выглядела примятой так, будто там отбивали чечетку, модная ветровка Симанского, рваная, в бурых пятнах крови, валялась на земле, рядом лежала скомканная и порванная карта, самая обычная, не сталкерская, однако самого биолога здесь не было. Неужели Зона развлекается? Но Гончар не

помнил, чтобы в Зоне вот так, без следа, исчезали люди. Дикие звери? Тоже не похоже. Больше всего это напоминало неумелую инсценировку, тем не менее исключать, что с биологом случилась беда, тоже не следовало.

Гончар постоял, прислушиваясь, как будто Зона могла дать ему знак. Нет, никакого знака она, конечно, не подаст. Все рассказы о том, что Зона разговаривает с людьми, – не более чем сталкерские байки. По-прежнему над головой белело небо, тихо шелестела листва, в траве копошились какие-то мелкие животные. Природа жила своей обычной жизнью, для нее как будто ничего не изменилось, вот только эта спокойная безмятежность была видимостью, ширмой. Зона чужда и враждебна человеку, искореженное, залитое кровью тело Стефана, которое четыре месяца назад нашел Гончар, верное тому доказательство. И гибель воинской части шестнадцать лет назад тоже.

– И что теперь? – Мартина, увязавшаяся следом за Олегом, выглядела растерянной. – Будем его искать?

– Где? Лес большой. Да и хочет ли он, чтобы его нашли? Если, конечно, жив.

– А если мертв?

– Тогда ему уже все равно.

Мартина хотела возразить, уже открыла рот, но потом передумала. Молчала она и всю обратную дорогу.

– Выходим, – коротко сказал Олег, вернувшись на метеостанцию. – От утвержденного маршрута не отклоняемся.

– Думаете, с ним все в порядке? – с надеждой спросил профессор и тут же сам засомневался: – Ушел один, без нас? Но почему?

– Откуда я знаю, – проворчал Гончар. – В чужую голову не залезешь.

– Я готова, – коротко бросила Мартина, закидывая за плечи рюкзак.

– Нет, так нельзя... – забормотал Лазерсон. – А коли он ранен? Коли ему требуется помощь? Его могли похитить! Они ведь уже здесь! Его нужно найти... Помочь...

Ну вот что тут скажешь?

Выручила Мартина.

– Александр, – она подошла к Лазерсону, – если с Павлом что-то случилось, мы ему помочь не сможем. И мы не должны сорвать экспедицию, мы и так выбились из графика. Раз Симанский решил двигаться самостоятельно, стоит ли нам ему мешать?

– Но... – профессор переводил взгляд с Олега на Мартину.

– Вы можете остаться, – нашелся Гончар. – На случай, если ваш похищенный объявится. А мы с мадам Нойер пойдем намеченным маршрутом. Потом, через пару дней, я вернусь за вами.

Лазерсон поджал губы.

– Ой вей, я лучше с вами.

Лес поредел. Высокая трава под ногами сменилась прошлогодней хвоей, идти стало легче. Иногда по пути попадались густой черничник, усыпанный иссиня-черными ягодами. Остановиться бы, набрать полную горсть (Олег почувствовал, как рот наполнился слюной), вот только нужно двигаться вперед.

Лазерсон, как и накануне, начал отставать. Сопел, дышал с присвистом, но молчал, не ныл. Какого рожна в таком возрасте и с таким здоровьем он потащился в Зону? Что за глупая бравада? Надо бы устроить привал.

Пока Олег размышлял, его опередила Мартина. Бросив на профессора сочувственный взгляд, она предложила передохнуть.

Гончар замедлил шаг.

– Сейчас начнется небольшой уклон вверх, там, на вершине, «мыльные пузыри», рядом с ними и остановимся, – заметил он по-английски, замешкавшись на «мыльных пузырях» и с трудом собрав слова в предложение.

Мартина молча кивнула.

Вскоре действительно начался пологий подъем, а затем за стволами сосен показалось нагромождение вросших друг в друга сероватых, блестящих шаров с едва заметными радужными разводами, словно некий гигант выдул мыльные пузы-

ри, а они вместо того, чтобы разлететься, слиплись.

– К ним можно подходить? Они не опасны? – спросил профессор.

Олег кивнул:

– Если не будете пытаться раздолбать их чем-нибудь тяжелым, то опасности нет.

Странности в Зоне на каждом шагу, одна радость, что о большинстве из них давно известно, и те, которые угрожают жизни, отмечены особо. К счастью, «пузыри» принадлежали к относительно безобидным образованиям.

– Неужели были прецеденты? – удивилась Мартина.

– А то! – усмехнулся Олег. – Особенно поначалу. Мерешилось внутри всякое, вот и пытались достать. Да вы и сами можете убедиться.

– Хм...

Подходить к артефакту она не спешила, только опасливо косилась.

Гончар скинул рюкзак на землю и первым направился к шарам. Приблизил лицо к блестящей, идеально ровной поверхности. Возникло чувство, будто он смотрит сквозь толстое мутное стекло. И, как и всегда, почудилось, что внутри шары полые. А еще появилось странное ощущение, будто пространство, заключенное внутри, гораздо больше внешних размеров.

Мартина встала рядом, осторожно дотронулась до блестящей поверхности и сразу же отошла. Профессор снял рюк-

зак и неловко, вприпрыжку подбежал к артефакту. Откуда только силы взялись? Ведь только что еле дышал! Приник к сероватому стеклу, отстранился, протер поверхность рукавом ветровки – и прилип уже надолго, сложив у глаз ладони домиком.

Ну-ну, пусть развлечется.

Гончар вернулся к брошенному рюкзаку и сел на траву, привалившись спиной к стволу дерева. Сорвал несколько крупных ягод черники, бросил в рот.

– Вкусная?

Мартина села рядом.

– Попробуйте, пока есть возможность.

– Потом возможности может не быть? Почему?

Потому что это Зона, хотел сказать Олег, но пробурчал совсем другое:

– У турбазы черника не растет.

Сквозь прикрытые веки он лениво наблюдал, как профессор кружит аки коршун вокруг «пузырей» – измеряет, прислушивается, приложив ухо к поверхности, опять трет рукавом и без того идеально отполированный шар. Забирается в яму, которая появилась два года назад: кто-то настырный решил докопаться до «корней» артефакта. Потом опустил на четвереньки, и в воздух полетели ошметки травы и хвоя. Гончар даже привстал. Окрикнуть его, что ли? Кто знает, какие действия Зона посчитает угрозой себе. Но пока Олег размышлял, опасливо поглядывая на профессора, тот,

закончив изображать из себя крота, вылез из ямы. Отряхнул ладони и уселся на траву, гипнотизируя взглядом артефакт.

Олег облегченно прикрыл глаза. Можно расслабиться и подремать часа полтора – столько времени он отвел себе на отдых. Место спокойное, плохого ничего не должно случиться, если, конечно, не нарываться.

– А как же геологические изыскания? – прозвучало рядом.

– Так же, как и физические исследования, – проворчал он. Мартина хмыкнула.

– Я видела тебя на могиле, – сказала она. – Кто там похоронен?

Вот и подремал.

– Друг, – ответил Гончар, не открывая глаза.

– Расскажи.

– Как-нибудь потом, не сейчас.

– Ты хорошо знаешь Зону, – сменила тему Мартина. – Сколько раз бывал? А на Фолклендах тоже был?

Гончар неопределенно мотнул головой – не потому что не хотел отвечать, просто сам не знал. Провалиться через телепорт на грунтовке Забайкалья и, не успев толком ничего понять, вернуться обратно – считается? Да, наверное, считается. Он был первым, кто угодил во временный телепорт, до этого момента не знали, что телепорты могут возникать в самых неожиданных местах и так же неожиданно пропадать. И вообще он был первым восемнадцать лет назад.

...Восемнадцать лет назад два аккуратных шестиугольника – один в Забайкалье, другой на Восточном Фолкленде – были замечены спутником Европейского космического агентства. Еще вчера фотографии спутника показывали привычный ландшафт, а сегодня – вот это. Фигуры ровные, как по линейке: белая в Восточном полушарии и темная в Западном. Сначала увиденному не поверили, списали на дефект изображения, но второй, третий, четвертый проходы дали то же самое. Казалось, нечто пронзило Землю насквозь, пройдя через центр планеты и оставив два одинаковых следа – напротив друг друга. Сравнивали и измеряли – точность поразительная, до десяти метров. Может, и больше, но еще точнее определить не удалось. Впрочем, об этом Гончар узнал лишь спустя несколько дней, когда получил приказ. Он тогда проходил срочную на границе с Китаем.

– Ты же местный? – спросили его.

– Из Ангарска.

– Ну, все равно, это почти рядом. Пойдешь с разведывательной группой.

Куда? Зачем? Оказалось, в какую-то глушь в Забайкалье.

Ему тогда очень хотелось спросить: что там можно разведывать? Там же ничего нет. Тайга. Просто координаты на карте. Вопросов было много. Кому и что могло понадобиться в этом медвежьем углу? Что показала разведка с воздуха? Почему пешком, когда есть авиация? Однако вопросы в армии задавать не принято, а обсуждать приказы – чревато.

Выдвигались ранним утром. На вертушке подлетели к ближайшей точке, оттуда на двух УАЗах тащились раздолбанной и вязкой по осени дорогой. Когда впереди показалась белая стена – то ли плотный туман, то ли еще какая дрянь, – остановились. Гончар помнил, что испытал тогда шок. Да и что с него взять – двадцатилетний пацан, а тут такое. Это же не в кино, не на экране компьютера, это на самом деле.

Смотреть на белоснежное марево, поднимающееся ввысь и закрывающее собой небо, было тревожно. Нет, страха не было, угрозы он не ощущал, просто чувствовал нечто иное, нечеловеческое, чуждое и совершенно равнодушное к людям. Именно эти ощущения он испытал, подходя к белой завесе.

Пробы, сделанные военным химиком, ничего не дали. Легкий дрон с видеокамерой, едва пересек границу, отказал. Последнее, что они увидели на экране, – стремительно приближающиеся верхушки деревьев. Изображение транслировалось пару секунд, но и их с лихвой хватило, чтобы понять: растительность за стеной осталась нетронутой.

– Что будем делать? – спросил кто-то из команды.

– Что-что, – выдохнул командир. – Выдвигаться.

Прошло восемнадцать лет, но Олег до сих пор помнит свои чувства, когда пересекал границу миров. Да-да, именно такие тогда крутились в его голове мысли. Тогда он физически не мог заставить себя сделать шаг – организм сопротивлялся. Потел, дрожал, слабел до черноты в глазах. Лишь от-

чаянным волевым усилием ему удалось заставить себя приподнять ногу и послать туловище вперед.

Шаг сделан. И он все еще жив.

За стеной все выглядело привычным. Зеленела листва, в небе кружили птицы, только само небо было... вернее, неба попросту не было, вместо привычной бездонной синевы – белое ничто.

Потом случались и другие вылазки, но всегда Гончар относился к Зоне – так между собой называли образовавшуюся Аномалию сталкеры – как к противнику. Недооценивать которого не следовало.

Аномалию пытались изучать – именно что пытались, так как ей не всегда нравилось вмешательство людей. Исследования шли туго – электронные приборы и источники питания не работали, двигатель внутреннего сгорания тоже, химические реакции шли не так, как должны, но если хочешь развести костер – никаких проблем. Была организована специальная структура с двумя филиалами – Забайкальским и Фолклендским, однако она больше сил тратила не на изучение, а на дискуссию – охранять или уничтожить.

А потом Зона показала зубы.

До Олега доходили слухи, что командование планирует нанести по Зоне ракетный удар. Хоть он и считался авторитетом, побывавшим внутри Аномалии, хоть к его словам и прислушивались, и все же младший лейтенант на контракте – это всего лишь младший лейтенант. Однако перед тем

как шарахнуть по Зоне боеголовками, его мнением все-таки поинтересовались. Конечно, он возражал. Во-первых, враждебность Зоны не носила активный характер. Да, люди погибали, но все смерти на первый взгляд выглядели естественно – виноваты были дикие животные, собственная неосторожность, а то и просто невезение. Что бы там ни думал Гончар о враждебности Зоны, доказательств у него не было. Во-вторых, он сомневался, что ракеты взорвутся, зато, наоборот, был уверен в том, что Зона ответит.

Его выслушали, вежливо поблагодарили и выставили за дверь. И только на следующий день он узнал, что решение принято.

Спасло его то, что в день X он находился не в части – уехал к будущей жене в Иркутск. Он и предположить не мог, что именно в этот день командование предпримет атаку на Зону. Хотя... Даже если бы знал, что он мог сделать?

Как он и считал, ракеты не взорвались, они и сейчас ржавеют в Зоне. И, как он и думал, Аномалия ответила – простить подобную бесцеремонность она не смогла. Она не только уничтожила ракетную установку, но и ударила по военному городку, где размещалась часть.

Когда Олега вызвали в часть спустя сутки после трагедии, он застал оплавленную технику и трупы, которые не успели убрать. Смотреть без содрогания на раздавленные, расплюсченные, смятые тела было больно и страшно.

Эксперты уже всюду трудились на месте. Говорили о гра-

витационном ударе, излучении, сыпали терминами, а Олега больше занимало другое. Зона, которая не выносила убийств на своей территории, Зона, которая пресекала применение огнестрельного оружия, вдруг сама стала убийцей? Почему ответила так жестко? Можно же было просто уничтожить ракеты. И насколько она сильна? Протянуть гравитационное щупальце на сотню километров – не мыльный пузырь выдуть.

Разумеется, прямых доказательств, что в трагедии виновата Аномалия, не было, она ничем не выдала свою причастность к нанесенному удару, да только сомнений ни у кого не возникало. Просто сложно представить себе два независимых, никак не связанных друг с другом аномальных явления, случившихся фактически в одном месте. Муравейник попытались ткнуть палкой, и тут же последовала реакция разозленных муравьев – разве кого-то может удивить подобная причинно-следственная связь?

Конечно же, скрыть такую трагедию не удалось – информация разнеслась по интернету, журналисты и блогеры устроили настоящую истерику, хотя, надо отдать должное властям, и нашим, и зарубежным, панику они погасили быстро и умело. Журналисты осаждали властные структуры, международные организации, устраивали пикеты и всячески пугали население. Именно в это суматошное время Гончар познакомился со Стефаном – журналистом-фрилансером, работающем на «Обсервер», «Гардиан» и «Фигаро».

В отличие от своих коллег, митинговавших на безопасном расстоянии от белой стены, Стефан был первым из пишущей братии, пробравшимся за периметр. Там Олег с ним и столкнулся – потомственный горожанин буквально заплутал в трех соснах.

После нападения Аномалию оставили в покое. Обнесли стеной, установили КПП, а тем, кто решил отправиться в Зону, говорили: «Там вы сами по себе».

С последним пунктом Гончар был решительно не согласен. В Зоне помощь и поддержка нужны не меньше, а даже больше, чем в обычном мире. Он отправлялся туда исключительно для того, чтобы кто-то не был «сам по себе». Чаще это происходило по приказу, иногда по просьбе. Стефан вот попросил...

* * *

– Там человек!

Гончар открыл глаза. Воспоминания настолько захватили его, что он не заметил, как задремал. Расслабился в спокойном месте. Мартини рядом не было, зато на него смотрело белое от испуга лицо профессора. Миндалевидные семитские глаза так вылезли из орбит, что казались почти круглыми.

– Там человек! – повторил Лазерсон, тыча рукой в сторону «мыльных пузырей». – Внутри! *Они* уже здесь! *Они* сле-

дят за нами!

– Где человек и кто они? – не понял Гончар.

В ответ профессор смог выдавить одно слово: «Пришельцы!», а дальше только непонятно бормотал на иврите, запо-лошно озираясь.

Свезло так свезло – параноик в команде. Надо как-то вывести его из этого состояния.

– Померещилось. – Олег старался говорить спокойно, убе-дительно.

Лазерсон энергично затряс головой.

– Я четко видел внутри гуманоида!

– Так это ваш силуэт отражался от поверхности! Или на-шей мадам.

Профессор опять замотал головой.

– Хорошо, пойдемте вместе посмотрим, – терпеливо пред-ложил Гончар. – А где, кстати, госпожа физик?

– Мартина? Разве она не с вами?... – Профессор засуетился и вдруг завопил дурным голосом: – Ее похитили!

– Кого похитили? – прозвучало из-за ближайших кустов по-английски.

– Вас, – хмыкнул Гончар и добавил, снизив тон: – По-мо-ему, наш академик слетел с катушек.

* * *

17 августа, 16:45

До турбазы добрались без происшествий, хотя Гончар с опаской поглядывал на профессора. Но тот шустро перебирал ногами, пыхтел, таща увесистый рюкзак, о прищельцах больше не заговаривал, лишь изредка что-то бормотал под нос на иврите. Все-таки физические нагрузки идут на пользу разгоряченным мозгам.

Шли хорошо, ловушки обходили аккуратно, ну да их в этом районе можно сказать, что и нет. Даже «гриву» – еще одну причуду Зоны – миновали без проблем, хотя Лазерсон почти умудрился вляпаться, Олег в последний момент схватил его за плечо. А ведь предупреждал, чтобы смотрели в оба!

«Грива» – висящие в воздухе без какой-либо поддержки золотистые нити – обычно встречается на открытых пространствах, никаких проблем, чтобы ее обойти, нет. Сложность в том, что «грива» различима только при определенном угле зрения, нужен опытный глаз, чтобы ее увидеть, но сталкеры давным-давно поместили на картах облюбованные ею участки – таежные проплешины с выходами кварца на поверхность. Терять бдительность в таких местах, даже если они не отмечены как опасные, никак нельзя. Другое дело новички – сколько ни говори им, чтобы поглядывали по сторонам, не помогает. Лезут напролом, и все дела.

«Грива» опасна тем, что вытаскивает наружу внутренних демонов – давно забытые и засунутые подальше в шкаф «скелеты». Сначала человек становится задумчивым, потом

появлялись не свойственные ему мысли, начиналось копание в своем прошлом. Говорят, вспоминались даже прочно забытые и давно похороненные в памяти моменты. Негативные моменты. Человек начинал испытывать угрызения совести и заниматься самобичеванием. Самый плохой вариант, если он был виновен в чьей-либо смерти, в этом случае запускался механизм саморазрушения, человек сходил с ума. Конечно, вряд ли Лазерсон убивал кого-то серьезнее лабораторных мышей, но и мышки порой хватает, чтобы совесть замучила. Да и кто знает, что там за душой у профессора.

Гончар вновь посмотрел на ученого. Шагает. Бурчит под нос, спотыкается, но шагает. Авось обойдется, даже Мартина выглядит мрачнее. Олег еще раз, внимательнее, взглянул на женщину. А с этой что происходит? То со странными вопросами пристаёт, а сейчас выглядит статуей острова Пасхи – такая же хмурая и бессловесная.

Лес закончился, деревья расступились, и на берегу в излучине реки показался некогда солидный двухэтажный дом с подзором, резными наличниками и остатками охлупения на покатой крыше. Сейчас бывшее величие пооблупилось и обветшало, да и кто станет обновлять здание в Зоне? Сталкеры? Им и так нормально. Вскоре за крупным зданием открылся вид еще на несколько домиков поменьше.

– Что здесь было? – спросила Мартина.

– Турбаза. Большая изба – гостевой дом и столовая, слева – домики для гостей, справа – баня и здание администрации.

Мартина вдруг ускорила шаг, она почти бежала. Рюкзак, чтобы не сковывал движения, швырнула на траву и уже открыто рванула к покосившемуся крыльцу с остатками балясин. Обламывая ногти, распахнула покосившуюся, изъеденную жучками дверь без ручки и скрылась внутри.

Черт! Ну что за женщина!

Гончар припустил следом.

Когда он одолел ступени и ворвался в дом, перед глазами предстала следующая картина: Мартина застыла метрах в трех от входа, а еще метрах в трех перед ней стоял весьма недовольный ее вторжением крепыш с затянувшейся царапиной на щеке. Правая рука отведена назад, к спрятанному на поясе ножу, и поза нехорошая, устойчивая, расслабленная – не поймешь, куда в следующую секунду двинется. Когда глаза привыкли к полутьме, то за мужиком, у самой стены, обнаружились еще три фигуры. Одеты в замурзанный камуфляж, на ногах удобные разношенные ботинки, на поясе ножи, на шее сталкерские амулеты – эта братия всегда отличалась суеверностью. К стене прислонен арбалет. Рассредоточились, позиции выбрали грамотно, случись что – мешать друг другу не будут, бросятся разом. А один мелкими, незаметными шажками уже подбирался к арбалету – единственному работающему в Зоне оружию дальнего боя.

Сталкеры? Да, скорее всего. Кто, кроме них, может быть? Лица напряженные, словно решают, что делать с внезапным визитом. Пора разрядить обстановку.

– Белого неба, мирной Зоны, знатного хабара! – Гончар произнес стандартное приветствие.

– И тебе тоже, – после секундного молчания ответил главный с едва уловимым акцентом.

Он слегка изменил позу, и Гончар смог его рассмотреть. Чуть выше Олега, но гораздо крепче и шире в плечах – наверняка хороший боец. Вроде старается напустить на лицо приветливость, но выходит плохо – глаза холодные, оценивающие. У Олега возникло неприятное ощущение, что его просчитали, оценили и признали не подлежащим ликвидации – пока. Да кто они такие? Армия? Спецслужба? Но точно не сталкеры, которые всегда сами по себе. А эти явно на задании и готовы скрупулезно выполнить все, что это задание требует.

Ох, не вовремя ученые оказались на турбазе, совсем не вовремя. Задания – они ведь разные бывают...

Гончар подошел к Мартине.

– Не будете против, если мы переночуем в домике по соседству?

Конечно, они были против, но негласный сталкерский кодекс обязывал вести себя иначе.

– Зона – для всех. – Еще одна стандартная фраза. – Вас двое?

Ответить Гончар не успел, потому что в дом ввалился Лазерсон. Рюкзак с глухим стуком шмякнулся на пол, и сам профессор с протяжным стоном рухнул на него пятой точ-

кой. Дышал профессор тяжело, с присвистом.

– Ой вей, – пробормотал он, отвинчивая крышечку с горлышка фляги, – знал бы, что будет так тяжело, послал бы к дьяволу и науку, и этот вояж в преисподнюю.

Молчаливая троица у стены заметно расслабилась: группа, в которую входил такой персонаж, никак не могла оказаться опасным противником. «Знали бы они, что он еще и начальник», – мимолетно подумал Гончар.

– Значит, вас трое? – уточнил главарь.

Гончар уже хотел кивнуть, но сзади прозвучало:

– Вообще-то четверо, еще один пропал на метеостанции. Наверное, заблудился в лесу.

– Пропал?

Вот ведь длинный язык! Но теперь ничего не поделаешь.

– Ушел в одиночку артефакты изучать и исчез, – подтвердил Олег. – Вернемся на КПП, попросим, чтобы поисковую группу за ним отправили.

– А, так вы ученые... – понимающе усмехнулся главный. – А мы, – он кивнул на крупные пластиковые контейнеры с ручками, громоздившиеся у стены, – «садоводы». Вот новый урожай собрали.

Он отошел к покосившейся барной стойке, взял с поверхности небольшой предмет и протянул Мартине.

– Мадам, маленький презент с нашей грядки.

А он, оказывается, дамский угодник.

Мартина недоуменно смотрела на обычный болт-десятку.

– И что мне с этим делать?

Главарь с усмешкой забрал болт, подкинул в воздух, и тот, вместо того чтобы упасть, как подобает приличному болту, начал выписывать в воздухе спирали.

Да, похоже, действительно «садоводы», подумал Гончар. Он и сам не понимал, почему ему не нравилась эта компания.

«Садоводами» называли особую категорию сталкеров, которые тащили в Зону всякую железную мелочовку, закапывали ее в определенном месте, расположение которого тщательно охраняли от конкурентов, а через несколько дней откапывали обратно, после чего обычные гайки, скобы и болты плевать хотели на законы физики и вытворяли странное. На Большой земле такие сувениры из Зоны охотно раскупались. Стоили они недорого, но на них всегда был спрос.

– Здесь есть кто-нибудь еще? – вдруг спросила Мартина по-английски. Выписывающий восьмерки болт ее не интересовал.

Недоумевая, Олег перевел вопрос, хотя ему показалось, что «садовод» понял и без перевода.

– Нет, кроме нас на турбазе никого.

– Вы встречали других людей в Зоне? – не успокаивалась Мартина.

Да что на нее нашло?!

– Еще кого-то потеряли? – усмехнулся главарь. – Ну, видели пару сталкеров, направлялись в сторону гор, к Черто-

вым Качелям.

Мартина недовольно поджала губы. Ждала другого ответа?

– Ой вей, вроде ожил, – донеслось за спиной.

Олег оглянулся. Профессор, побряхтывая, растирал колени.

– Мы, пожалуй, пойдем, – спохватился Гончар.

– Я хочу осмотреть дом, – тихо по-английски произнесла
Мартина.

– Вот на хрена на ровном месте нарываться? – так же тихо
прошипел в ответ Гончар.

– Какие-то проблемы? – «Садовод» вопросительно поднял брови и с любопытством смотрел на них.

– Нет, все о'кей, – буркнул Олег, подхватывая Мартину под руку и почти силой подтаскивая к выходу. Спасибо, хоть не стала сопротивляться у всех на виду.

Отпустил он ее, только когда они отошли подальше от окон. Профессор, постанывая, тащился следом.

– И что это было? – накинулся на нее Гончар. – Научный интерес проснулся? Может, лучше что другое поисследуете, более научное, чем группа вооруженных головорезов? Если хотите поиметь проблемы на свою задницу, могли бы сюда и не тащиться, этого добра и на Большой земле хватает!

Мартина молча вырвала локоть и направилась к ближайшему домику. Олег подобрал брошенный ею рюкзак – могла бы и сама взять – и двинулся следом. В домике она пробыла

меньше минуты, вышла и с деловым видом зашагала к следующему. Потом точно также быстро и деловито проверила баню и повернулась к Олегу.

– Мне нужно осмотреть большой дом!

– Думаете, там чудеса, там леший бродит? – Гончар даже не заметил, что говорит по-русски. – Нет там ничего интересного! Обычные жилые комнаты, еще и загаженные порядком. – Мартина упрямо ждала, поджав губы. – Надеетесь в кучах дерьма, которых там хватает, найти ответы на загадки Зоны? Да поймите же вы, здесь не принято вмешиваться в чужие дела! – Он старался не давать выход раздражению, но получалось плохо. – Среди сталкеров существует негласное правило, своеобразный этикет. Они первые заняли дом – значит, пока они там хозяйничают, другим шастать в доме нельзя.

– Понятно, помощи от тебя не дождешься, – как-то очень по-женски съязвила Мартина, и, подхватив рюкзак, направилась в домик. Олег пожал плечами и двинулся за ней. И только сейчас сообразил, что ответила она ему тоже по-русски. С акцентом, конечно, но почти без ошибок. Вот ведь стерва! Получается, зря он два дня язык ломал?

Гончар тоже забросил рюкзак в домик и направился к реке. Выбрал место, где густые прибрежные кусты образовали прореху, разделся и бросился в воду. После долгого перехода прохлада реки приятно освежала. Он ушел на глубину, поплыл под водой, пока хватало дыхания, и вынырнул уже

далеко от берега. Ловушек и прочей гадости, на которые богата Зона, в воде можно было не опасаться. Почему так – кто ж разберет.

Вечерело.

Темнота в Зоне наступает быстро, без красивых оранжевых закатов и звезд на небе. Белое ничто над головой сначала превращается в светло-серое ничто, затем в серый мышинный сумрак. Просто белый лист над головой меняли на темно-серую бумагу, по которой художник точно так же забыл провести кистью.

Профессор тоже вышел к реке. Подходить не стал, уселся, сгорбившись, в сторонке. Что-то он задумчив, не зацепила ли его ненароком «грива»? Мысль промелькнула и тут же ушла.

– Все в порядке? – спросил Гончар, подходя к Лазерсону. Тот быстро закрыл книгу, которую держал в руках.

– Да, наверное... Не знаю.

Разглядывая поникшую фигуру, Олег чуть было не пропустил другую, крадущуюся в полутьме в сторону турбазы.

Мартину он перехватил на задворках турбазы, когда она пыталась открыть ставни.

– Что, очень нужно внутрь?

– Очень, – просто сказала она. – Хочу убедиться, что кроме них в доме никого нет.

Глупость. Блажь. Но если не пойдет он, то пойдет она и наверняка наломает дров. Он и сам собирался наведаться в

дом – не нравилась ему обосновавшаяся там компания, – но попозже, когда «садоводы» уснут.

– Ладно. Жди в тех кустах.

Он направился к черному входу, Мартина двинулась следом.

– Жди, я сказал!

Она молча покачала головой.

Вот коза!

Олег разулся, она сделала то же. Достал нож, слегка оттянул дверь и аккуратно поддел лезвием внутренний крючок. Осторожно приподнял, снял с петли. Потянул за ручку – удивительно, что она еще осталась. Прислушался. Не скрипит – уже хорошо.

Внутри было темно.

Они остановились, ожидая, пока глаза привыкнут к сумраку. Олег первым проскользнул в дом, Мартина держалась за его плечом, дыша в затылок.

Компания «садоводов» находилась в холле – там, где их впервые увидел Гончар. Скучный свет масляных ламп ограничивал обзор, но и его хватало, чтобы увиденное заставило Олега вжаться в стену и наблюдать. Сейчас эта четверка уже ничем не напоминала сталкеров – слаженная работа, скупые выверенные движения; отрывистые реплики больше подходили спецназовцам или иным серьезным товарищам. К удивлению Олега, разговор шел по-английски, но со своим уровнем чуть выше школьного он мало что разобрал, уло-

вил только: «эксперимент», «источник энергии», «трудности с логистикой». Зато, похоже, многое поняла Мартина – задышала чаще, придвинулась.

Олег схватил ее за руку, призывая к молчанию. «Ты из-за них здесь?» – одними губами спросил он. Она отрицательно покачала головой и показала, что им нужно двигаться дальше. Осторожно, спиной вперед, они отошли в другой конец коридора к лестнице на второй этаж.

– Держись ближе к стене, ступени скрипят, – едва разжимая губы, прошептал он.

К счастью, обошлось.

Вновь коридор, шесть дверей по три с каждой стороны, в торце что-то вроде небольшого холла.

В первых двух комнатах кроме старой мебели ничего не нашлось. Да и вообще, похоже, здесь давно никого не было – грязь и застоявшаяся вонь говорили сами за себя. В третьей на полу был свалена груда тряпья – старая одежда, одеяла. Мартина начала их разбирать, но быстро потеряла интерес. В четвертой, выглядевшей почище остальных, стоял чей-то рюкзак.

Мартина коршуном бросилась к рюкзаку, дернула язычок молнии. Так-так, а вот это интересно: из рюкзака выпал теплый пуховик, отороченный енотом. В рюкзаке Олега под другими вещами тоже пряталась зимняя аляска, но она лежала на дне, а этот находился сверху, словно его совсем недавно надевали.

Мебель кто-то небрежно сдвинул к окну, а у стены стояли аккуратно сложенные пластиковые ящики, точно такие, как те, что Гончар видел внизу. Он с удовольствием бы порылся внутри – там явно лежало нечто посерьезнее гаек с болтами, – но Мартина направилась дальше.

И тут заскрипели ступени. По стенам коридора заиграли световые блики, как будто кто-то нес свечу или масляную лампу.

Гончар схватил Мартину за руку, втащил в комнату и усадил на пол между контейнерами и изъеденным жучками комодом. «Тихо!» – шикнул он. И очень вовремя, потому что огонек стал ярче – кто-то вошел в комнату. Направился к контейнерам. Послышался звук набираемого шифра – это на ящике-то с гайками? Мартина осторожно пошевелилась, приподнимаясь. Гончар с силой сдавил ее плечо, усаживая обратно. Любопытство сгубило кошку – не слышала?

Вроде обошлось. Но Олег был готов к любой неожиданности, чувствуя, как от избытка адреналина пульсирует кровь.

Он подобрался. Конечно, с четырьмя «садоводами» ему не справиться, но с одним – вполне. Вырубит тихо, а пока тот очнется, они смогут уйти.

Покопавшись в ящике и, похоже, не найдя того, что искал, лже-«садовод» снял верхний контейнер и... Картину бы с его рожи писать: «Не ждали». В руке фонарь, на лице изумление. Это и помогло Олегу. Быстрый удар по болевым точкам, захват, поддержать тело, чтобы, падая, не наделало шума.

– Ты его убил! – то ли спросила, то ли ужаснулась Мартина.

– Нет, только вырубил, – буркнул Гончар. – Что я, совсем отмороженный – убивать в Зоне? Очнется через полчаса, а нам надо делать ноги, пока его дружки не спохватились.

Олег осторожно выглянул в коридор – путь свободен. Но пришлось подождать – Мартина сунула нос в открытый контейнер и, покопавшись, выудила какой-то блок. Гончар затруднялся сказать, что это было. Деталь прибора? Части сложного технологического устройства? Да ну на хрен...

– Нужно уходить, пока он не очнулся, – прошептал он.

Комнату Мартина покидала с явным сожалением, все косилась на контейнеры, как кот на сметану, но дольше оставаться было опасно. Она быстро заглянула в оставшиеся двери и с досадой качнула головой, словно говоря, что не нашла того, что искала.

Из дома выбрались тем же путем, что и вошли.

– Нужно уходить, – повторил Гончар, когда они скрылись за кустами бузины. – Забираем профессора и двигаем в сторону гор. Туда они вряд ли сунутся.

Мартина кивнула.

– Теперь объяснишь, в чем дело? – спросил он, когда они подошли к своему домику.

Но Мартина молча скрылась за дверью.

– Спасибо, Олег. Пожалуйста, мадам Нойер, – проворчал он, входя в дом.

Профессора внутри не было.

– Бери рюкзак и жди меня за той скалой. – Гончар показал на высокий уступ. – Нужно найти Лазерсона.

Профессор все так же сидел у реки и смотрел на воду, в руках он держал все ту же книгу. В темноте неподвижная фигура ученого напоминала каменное изваяние. На Олега он не обратил никакого внимания, а может, просто не заметил. «Ждет, пока по реке проплывет труп врага? – с неприязнью подумал Гончар. – Как бы самим не поплыть по течению».

– Профессор, нужно срочно уходить, у нас тут... хм... небольшой конфликт произошел. Могут быть последствия.

Лазерсон даже не пошевелился.

– Пойдемте, нет времени. – Гончар за локоть поднял профессора.

Тащить два рюкзака и подгонять ковыляющего сзади Лазерсона – то еще удовольствие. Но он справился. По дороге профессор, путая иврит и русский, вновь бормотал о пришельцах, об экспериментах, об очистительном пламени и единственном выходе. Олег не слушал, он думал о том, что если все обойдется, если ночь пройдет спокойно, то завтра утром он выведет ученых из Зоны. Максимально быстрым и максимально безопасным путем.

Когда они поравнялись со скалой, из-за кустов выскочила взволнованная Мартина.

– Я уже решила, что-то случилось!

– Случились два рюкзака и пожилой сумасброд, – провор-

чал Гончар. – Чрезвычайно обяжешь меня, если возьмешь его на поруки, мне двух рюкзаков за глаза хватит.

– Что теперь?

– Идем вдоль реки. Нужно отойти хотя бы на километр.

Конечно, хождение ночью по Зоне – то еще удовольствие, но другого выхода не было. Гончар не слишком верил, что «садоводы»-спецназовцы бросятся их искать в полуночной тьме, тем не менее оставаться поблизости было опасно.

Привал устроили через час, когда Гончар решил, что они порядком замели следы.

– Здесь вроде бы безопасно, – сказал он, опуская рюкзак на сосновую хвою. – Профессор, вы как?

Лазерсон молча кивнул и опустил на разложенный Мартиной спальник.

– Дежурить будем по очереди. Не думаю, что тут нас кто-то потревожит, но на всякий случай. Я – первый, через три часа меня сменит мадам Ищу-Приключения-На-Свою-Задницу, под утро профессор.

Потом, конечно, Гончар корил себя, что недоглядел за ученым, но тогда он был слишком зол на Мартину и слишком устал, чтобы становиться нянькой для еще одного чокнутого ученого.

* * *

Олег проснулся внезапно – его кто-то позвал. Наверняка

шалости Аномалии, такое с ним уже бывало в Зоне, и каждый раз, когда это происходило, случалась какая-то пакость. Сейчас он слышал голос ясно и четко, совсем рядом с собой. Хорошо знакомый голос, только никак не понять, чей именно.

Занималось раннее утро, опять же без розовых рассветов – небо просто равномерно светлело. Мартина лежала, свернувшись клубочком – уже хорошо, но Лазерсона рядом не было. Спальник разложен, рюкзак стоит рядом, а сам профессор пропал. Черт, прямо как с Симанским!

Олег осторожно распустил молнию спальника и выбрался наружу. Надел ботинки и подтянул к себе рюкзак профессора. Расстегнул. Вроде все на месте.

Мартину будить не стал, пошел один, интуитивно почувствовав, что не нужно ей смотреть на то, что покажет Зона. Если бы Зона хотела, чтобы видела и она, – разбудила бы обоих.

Сейчас чуждость Зоны чувствовалась особенно остро. Ни единого звука не нарушало мертвую тишину, ни один лист, ни одна ветка не шелохнулась, ни одно животное не показалось в траве. Да и сама трава тонула в сером, цвета неба, тумане.

Обезумевшего ученого Олег нашел у Тотемного Столба – еще одной причуды Аномалии. Ночью, в суматохе, Олег совсем забыл про него. Высокий, в два человеческих роста, черный столб из неизвестного материала одиноко возвышал-

ся в центре поляны. На вершине столба то ли расправляла крылья стилизованная птица, то ли находилось подобие креста. По темной глянцевой поверхности вились изображения или стилизованные письмена. Долгое время их пытались расшифровать, считая, что таким образом Аномалия пробует общаться с человечеством, но так и не преуспели.

Вокруг столба были выложены окровавленные тушки зверьков – похоже, ученый рвал их зубами. Сам Лазерсон, привалившись спиной к столбу, сидел в центре этого кровавого круга. Растерзанный каким-то более крупным зверем, профессор истекал кровью. Хотя, может, зверь ни при чем и это он самолично разодрал себе горло.

Все-таки «грива» зацепила профессора, и Аномалия в гипертрофированном виде вытащила наружу все дурное, что в нем находилось. Видать, что-то совсем страшное, раз жить с такими воспоминаниями он не смог.

Олег нагнулся, приложил пальцы к шее Лазерсона проверить пульс, и тот, почувствовав прикосновение, открыл глаза. Налитые кровью, совершенно безумные, полные ненависти. Он дернулся и вдруг завыл, громко и страшно; согнутые пальцы, больше похожие на когти хищной птицы, потянулись к шее Олега.

Другого выхода, кроме как быстро и безболезненно отправить ученого на тот свет, Олег не видел. Когда все было закончено, Гончар ушел в самую чащобу, откуда не было видно ни лежащего в траве тела, ни Тотемного Столба. Не мог

он сейчас вернуться – отвечать на вопросы Мартины и видеть вещи профессора было выше его сил.

Гончар прижался лбом к шершавой сосновой коре и долго стоял, повторяя: «Я не убийца, это все Зона».

* * *

18 августа, 10:20

Мартина шла первой. Сухие ветки трещали под подошвами ее берцев, она отмахивалась от вездесущего гнуса, но упрямо двигалась вперед. Шаг ровный, хоть и дышит тяжело, отметил Гончар. Понятно – устала, еще и жарко. Темные волосы у шеи намокли, струйка пота стекала по спине вниз, к ремню, затянутому на талии. Брюки из черного софтшелла немного полнили ее, но, как ни странно, совсем не портили.

Смотреть на ее крепкий зад – одно удовольствие, только не об удовольствиях сейчас нужно думать. Но что он мог с собой поделать, если за тринадцать лет брака выработался устойчивый рефлекс: до развода вся его семейная жизнь состояла из череды черно-белых полос – после скандала всегда следовало бурное примирение в постели.

С Мартиной все пошло наперекосяк с самого утра, как только он ее разбудил, хотя известие о смерти Лазерсона она приняла спокойно (Олег сказал, что на ученого напали звери) и молча. Не порывалась бежать к телу, не выясняла подробности. Выслушала наспех состряпанную историю о ди-

ких животных (поверила или нет – непонятно) и сразу полезла в рюкзак за картой, расстелила ее на траве, принялась что-то высматривать. А Олег, искоса наблюдая за ней, никак не мог избавиться от стоявшей перед глазами картины – устремившийся в небо Тотемный Столб, растерзанные тушки животных и налитые кровью безумные глаза Лазерсона. Так явственно, четко, что он, содрогнувшись, прошептал: «Я не убийца». И Зона с ним согласилась. А иначе почему он до сих пор жив?

– Где мы находимся? – спросила Мартина.

Гончар склонился над картой и показал место.

– Я правильно понимаю, что кроме метеостанции и турбазы в Зоне больше не осталось зданий?

– Хм...

– Тогда нам нужно в пятый квадрат.

Мрачное хмыканье Олега она восприняла как «да». Знает, коза, знает, что там есть заброшенная лаборатория!

– Нам не в пятый квадрат нужно, а сваливать! – начал закипать Гончар. – И поскорее!

Но Мартина словно не слышала.

– Это нормальная дорога? По ней можно пройти?

– Ты меня не слышишь?! – заорал он. – Нужно выбираться на хрен отсюда!

Она посмотрела на него, вернее, сквозь него. Наверное, такие глаза бывают у фанатиков.

– Экспедиции конец! Профессор погиб, Симанский, ско-

рее всего, тоже, на хвосте какие-то ублюдки... – горячился Олег, но в ответ получил ледяное:

– Ты как хочешь, а я отправляюсь в центр Аномалии.

Сказала – как отрезала. И ведь действительно отправится.

– Я тебе не нянька, – проворчал Гончар уже спокойнее, берясь за изрядно потяжелевший рюкзак.

Еще до того, как разбудить Мартину, он ознакомился с содержимым рюкзака Лазерсона – не любопытства ради, нужно было забрать документы. Но потом не утерпел и сорвал замок с жестяной коробки, которой так дорожил профессор. Внутри лежали книга и банка консервов «Кошерная курочка», обернутая куском поролона, чтобы не гремела при ходьбе. Гончар недоуменно повертел в руках банку. Чего только не тащат люди в Зону – но зачем убирать консервы в коробку? Открыл книгу, на поверку оказавшуюся блокнотом с личными заметками. Машинально обратил внимание на дату – записи начинались за несколько дней до возникновения Аномалии. Блокнот тут же перекочевал в рюкзак Олега, а после некоторого раздумья туда же последовала и «Кошерная курочка».

Говорить о своей находке Олег, конечно же, не стал.

Он вновь взглянул на идущую впереди Мартину.

Странная дама. Не по-женски замкнутая, молчаливая, серьезная. И в то же время нелепые, какие-то ребячьи поступки. Неужели отправилась бы в центр Зоны одна? Пожалуй, да. Настроена она серьезно. Вон как шагает – целеустрем-

ленно, по-деловому. Могла бы быть красавицей, если бы не выглядела такой ледышкой. В другой ситуации... Нет, только не сейчас, не в Зоне. И вообще нет. Кто ее знает, что у нее за душой. Все они тут с двойным дном – и Симанский, и Лазерсон, и мадам Нойер. Вот какого рожна она рвется в центр Зоны? Уже даже не прячется за научной экспедицией, говорит открыто.

Приказ начальства был четким и недвусмысленным: в пятый квадрат не должен пройти ни один человек. Приказ нужно выполнять. Но не убивать же ее?

Идея пришла внезапно. Он тогда сделал вид, что дал заднюю, сказал Мартине, что пойдет вместе с ней. В Зоне она не ориентируется, вряд ли поймет, что ее водят кругами.

К счастью, планы Олега мадам Нойер не раскусила.

Ельник закончился. Придорожная чахлая поросль расступилась, впереди показалась заброшенная грунтовка. Кроны деревьев больше не заслоняли небо, стало видно, как сильно в Зоне оно отличается от обычного – ровная белизна чистого бумажного листа. Рисуй что хочешь.

Привычным движением Мартина достала компас, несколько секунд недоуменно крутила лимб, затем, выругавшись, убрала прибор в рюкзак – забыла, что компас здесь не работает.

– Привал?

– Ладно, – нехотя произнесла Мартина.

И видно же, что устала, но держится.

Они отошли от обочины дороги и устроились под прикрытием двух невысоких пушистых елей. Мартина вяло грызла галеты, запивая водой, а Олег достал блокнот профессора.

Почерк округлый, с наклоном, заглавные буквы с витиеватыми хвостиками. Невозможно поверить, что это писал мужчина.

11 июля

Дорогой мой Саша, я не могу тебе ни написать, ни позвонить – наша работа держится в строжайшей секретности, – поэтому я и завела этот дневник. Пишу и представляю, будто разговариваю с тобой.

Мы нехорошо расстались, ты был категорически против моей поездки, а я не смогла ничего объяснить. Думаешь, мне не хотелось? Хотя я и сама мало что понимала, но даже то малое, о чем мне рассказали, я должна была сохранить в тайне. Знал бы ты, сколько мне пришлось подписать бумаг и какие страшные слова они содержали!

Наш последний вечер до сих пор стоит у меня перед глазами. Я собирала чемодан, а ты стоял в дверном проеме, сложив на груди руки, и молча наблюдал за мной. А до этого бегал по квартире и кричал, что я поступаю безрассудно, бросая работу над диссертацией ради призрачной пустышки, что «Меркурий» втравит меня в авантюру, что они меня используют и потом выбросят на улицу, требовал, чтобы я одумалась. Я понимаю, ты был обижен, что я приняла

решение, не посоветовавшись с тобой, но мне не дали времени не то что посоветоваться, а даже подумать – решать нужно было прямо там, не выходя из офиса. Да и как я могла отказаться, ты же знаешь: работать вместе с профессором Даймлером всегда было моей мечтой. Лишь когда я с чемоданом направилась к двери, ты посторонился и сказал: «Ты пожалеешь».

Пока я ни о чем не жалею, хотя и задаюсь вопросом: почему я? Почему «Меркурий» обратился ко мне, физику без степени, когда существуют куда более опытные и именитые ученые? И почему такая секретность? Почему мне не сказали, куда мы летим? Вопросы роились в моей голове, когда я пыталась заснуть в кресле самолета. Со мной летели трое ученых (такие же наемники, как и я), они также ничего не знали.

Никто не сказал, какой город является конечной точкой маршрута, я знала только название лаборатории – «Биотех-5». Лишь когда самолет приземлился, кто-то из летчиков обронил, что это Чита. Вместо привычных боингов и эйрбасов за иллюминатором проплывали весомые туши военных транспортных, остроносые истребители и раскрашенный под камуфляж вертолет – к нему мы и подрулили.

И опять ничего не известно. Куда мы летим? Под брюхом вертолета сплошной лес. Промелькнуло что-то похожее на турбазу с деревянными домиками, к которым тянулась дорога... Нам туда? Оказалось, нет. Спустя некоторое время

вертолет завис над вырубленной в лесу огромной поляной с несколькими кирпичными строениями.

Нас встретил охранник в камуфляже с рацией на поясе и автоматом в руках. Я понимаю, вокруг лес, дикие звери, но все равно мне было неудобно. Удивила «колючка» по периметру. Как потом оказалось, периметр ограждала не только колючка (она от зверей), но и лазерные детекторы на случай, если забредет кто-то любопытный.

Еще выяснилось, что кроме старых бараков (они меня пугают) здесь есть несколько сборных щитовых домиков и два огромных купола, соединенных переходом. Из-за маскировочной сетки сверху купола не заметны, зато вблизи впечатлили своими размерами. Бараки оказались старыми и ветхими, они здесь стоят еще со времен войны с Японией. Для нас в одном из них расчистили целый зал, поставили кровати, столы, но лучшие уж я буду жить в домике.

Поселили меня вместе с Региной. Она биохимик, имеет степень по информатике и отлично разбирается в IT-технологиях, представляешь? Но с ней я смогу познакомиться только на следующий день, сейчас она работает в куполе.

Вот и все на сегодня, событий и впечатлений оказалось слишком много для одного дня, я очень устала. Завтра знакомство с Даймлером. Надо выспаться.

Забыла сказать, как я тебя люблю.

12 июля

Знаешь, а Даймлер совсем не страшный, хотя перед разговором с ним у меня поджилки тряслись.

Я помню фотографии в «Нейчер» его шикарного кабинета в «Меркурии» с огромной «плазмой» и мебелью из мореного дуба, а здесь охранник подвел меня к заваленному распечатками пластиковому столу с пластиковым стулом. Под куполом нет кабинетов, нет стен, здесь все по-простому, столы для работы, тут же стойка с компьютерами, крохотная кухонька с электрическим чайником и кофеваркой, огромная доска с пометками. Мне потом показали, где что находится, оказалось, купол разделен на несколько зон. В дальнем конце от входа расположился вычислительный центр – пара стоек с разнокалиберной, смонтированной кое-как аппаратурой, свисающие со всех сторон провода и толстенный кабель, уходящий наружу, к генератору. Еще была «комната связи» – выгородка, откуда можно связаться с Большой землей – но только либо с военными, либо с «Меркурием».

Однако я отвлеклась. Даймлер собственноручно налил мне кофе и уселся на такой же пластиковый стул. В реальности он оказался моложе, чем на фотографиях, растрепанный и с красными глазами от недосыпа.

– Что вам рассказали о будущей работе? – спросил он.

Я растерялась. Мне хотелось сказать, что, как только узнала, что буду работать под его началом, все остальное стало неважным, но выдать из себя смогла только что-

то насчет шанса, который выпадает ученому раз в жизни.

Даймлер хмыкнул.

– Пожалуй, они правы, шанс действительно один на миллион. И то, что вам ничего не рассказали, даже лучше, будет интересно посмотреть на вашу реакцию.

Он поднялся.

– Пойдемте.

Мне предложили надеть костюм биозащиты, потом мы перешли под соседний купол. Даймлер включил прожекторы и остановился у проведенной на земле черты – в этом куполе почему-то не озаботились настелить пол, ноги оскальзывались на странном, неровном камне, поверхность которого словно кто-то облил жидким стеклом. Сначала я ничего не увидела, мне показалось, что купол пуст, но, приглядевшись, рассмотрела в центре купола где-то в метре над землей странное образование. Словно в воздухе висело нечто. Оно меняло форму, перетекало; на зеркальной поверхности, иногда подергивающейся легкой рябью, отражались стенки купола и свет прожекторов; иногда я видела себя с донельзя искаженными пропорциями и донельзя сложным лицом... Я даже не могла понять, материален ли этот объект.

– Что это?

– Надеюсь узнать это с вашей помощью. – Голос Даймлера в динамиках шлема звучал глухо и неестественно. – Как вы себя чувствуете?

– Нормально.

– Ничего не беспокоит?

– А должно?

– Попробуйте подойти к следующей линии.

Тут я заметила, что путь от коридора до объекта размечен: кто-то провел белой краской линии через каждый метр. Я послушно подошла к следующей отметке.

– А сейчас?

– Нормально.

– Отлично! На сегодня хватит.

До самой ночи я распаковывала и подключала спектрометры, анализаторы, микроскоп, томограф, устанавливала базы данных на местные компьютеры. Вот такой вот получился странный день.

Да, наконец-то познакомилась с соседкой по комнате. Она милая, хотя, признаться, поначалу я ее побаивалась. Ты же знаешь, я робею перед умными людьми. Вот вроде бы и всё.

Люблю тебя.

13 июля

Уф, устала. С утра занималась измерениями, но так и не поняла, что мне показывают приборы. Этот странный объект здесь называют Аномалией. А я до сих пор даже не поняла, что в этой Аномалии – прости за невольный каламбур – аномально. Вещество она или энергия. Или вообще нечто, пока неизвестное науке. По крайней мере, законы со-

хранения тут не выполняются.

Зато я теперь знаю, как обнаружили Аномалию. Военные зафиксировали сильный выброс энергии, направленная на место группа вернулась со странными рассказами: оплавленная земля — она и сейчас в куполе такая, спекшаяся, с образовавшейся стекловидной коркой и без какого бы то ни было намека на органику. Кстати, почти все члены той разведывательной группы погибли от жесткого ионизирующего излучения, однако сейчас радиационный фон в норме.

Саша, родной, как же мне тебя тут не хватает!

14 июля

*Перезнакомилась со всеми учеными. Кстати, поняла, почему эту работу предложили именно мне. Во-первых, потому что двое предыдущих кандидатов отказались, а во-вторых, потому что преимущество получили ученые, работающие на стыке дисциплин и проявившие себя как потрясатели основ. Это они меня из-за той статьи в *Physical Review* в ниспровергатели записали? Обидно и смешно.*

Здесь все горят энтузиазмом. Кроме, пожалуй, Павла — биолога из «Меркурия». Ходит с кислой рожей и брюзжит. Но, как сказала Регина, у него есть на то причины: он злится потому, что после обнаружения Аномалии все внимание в «Меркурии» уделяется только ей, остальные исследования идут побоку. Павлу закрыли тему и обрубili финансирование, а его самого командировали сюда быть на побегушках у

Даймлера. Я бы тоже на его месте злилась.

Беспокоюсь о тебе.

15 июля *Суматошный день.*

Узнала, зачем под куполом на земле прочерчены линии. Оказывается, при приближении к Аномалии люди испытывают нестерпимые головные боли, фобии и прочие недомогания. Чем ближе – тем больше. Надо же, я ничего подобного не чувствовала. Красная линия – предел, за который проходить нельзя. Говорят, смертельно. Попробовать как-нибудь, что ли?

Вечером на объект приезжала целая делегация, Регина сказала, что был даже Меркулов-младший, сын главы корпорации, занимающий какой-то важный пост. Какой именно – я пропустила мимо ушей, поняла только, что когда-нибудь в будущем он возглавит «Меркурий».

Приехавшие сразу уединились с Даймлером в его закутке. О чем говорили, что обсуждали – нам не доложили, но уезжали вроде не сильно довольные. Оно и понятно – это я тут новичок, а Даймлер уже давно вокруг Аномалии ходит, но никакой ясности как не было, так и нет.

И у меня никакой ясности нет.

16 июля

Вожусь с приборами. Устала. Чувствую себя полной душой и неумехой, ничего не получается, ничего не понимаю.

Был бы ты рядом, ты бы меня подбодрил.

Сделала замеры воздуха и грунта вокруг Аномалии – ни радиации, ни других смертельных для организма факторов. Химики и биологи тоже ничего не нашли. Так какого же дьявола нас заставляют надевать эту громоздкую и душную штуковину?

Очень скучаю.

17 июля

Сегодня днем сняла шлем и провела пять минут на красной линии. Да, знаю, ты бы меня упрекнул за безрассудство, я бы и сама ругалась, если бы это сделал кто-то другой. Надеюсь, никто ничего не заметил, я закрыла видеокамеру планшетом для записей. Сейчас вечер, чувствую себя хорошо. Попросила Павла сделать анализ крови – все нормально. Но главное другое: за эти пять минут, что я там стояла, мне показалась, что Аномалия старается установить со мной контакт. Мне трудно объяснить свои ощущения – да, все происходило на уровне ощущений, – но я почувствовала, как моего сознания коснулось нечто инородное. Угрозы не было, однако и какого-то осмысленного посыла тоже. Впрочем, скорее всего, я просто все это выдумала.

Оказалось, делегация «меркурианцев» не вернулась на Большую землю, сегодня они вновь нагрянули уже в сопровождении военных. Вновь закрылись с Даймлером, сидели часа три. После их отъезда Даймлер вышел злой как черт и

сказал, чтобы завтра мы ждали двух военных аналитиков.

Похоже, «сапоги с погонами» наложили лапу на исследования. Жаль.

18 июля

Пока все ученые лихорадочно тырят свои наработки – не делиться же информацией с военными? – я решила воспользоваться моментом. Сейчас, пока никому нет дела до Аномалии, я хочу пересечь красную линию. Каково звучит, а?!

Я все продумала. Отметилась в журнале, что вошла в купол, забрала с собой защитный костюм, чтобы кто-нибудь ненароком не заметил его на вешалке, и опять закрыла глазок видеокамеры. Затем подошла к красной линии и села на оплавленный, покрывшийся остекленевшей коркой камень.

Нет, вчера мне ничего не показалось. Все то же слабое, едва уловимое присутствие чего-то инородного в голове, но никаких болезненных ощущений. Промелькнула догадка: может, все сказанное насчет головной боли и прочего вреда для организма – чушь? Или это я такая исключительная, что на меня Аномалия не действует?

А потом вообще произошло нечто странное. Я переступила через красную линию, и Аномалия выпустила ртутно-зеркальный, переливающийся отросток, который направился прямо ко мне. Испугавшись, я отступила назад, и отросток плавно втянулся обратно. Зря, наверное, испуга-

лась, ведь угрозы я не чувствовала. Хотя и дружелюбия тоже. Просто что-то странное и чуждое.

Вечером стало окончательно ясно: военные видят в Аномалии только оружие, они в этом не сомневаются. Их интересуют лишь два вопроса: чье оно и как его можно использовать.

Даймлер говорит, что уже ничего нельзя поделать. Никогда не видела его таким подавленным.

19 июля

Пишу утром, на всякий случай, если вечером не смогу.

Науку окончательно задвинули на второй план, теперь тут всем заправляет армия. С завтрашнего дня вход под купол только с их разрешения. Только вот дадут ли они его?

Сегодня последняя возможность понять, что такое Аномалия. Я хочу подойти к ней вплотную и позволить себя коснуться. Рассказала обо всем Даймлеру. Он считает, если удастся наладить контакт, то военные будут вынуждены отступить. О том, как все прошло, отпишусь вечером.

– Куда теперь? – вопрос Мартины отвлек Олега от чтения. Она уже была на ногах, даже рюкзак надела.

Он с сожалением закрыл блокнот – надо же, на самом интересном месте! Буркнул недовольно:

– Прямо по грунтовке.

Мартина сверилась с картой и сдвинула брови.

– Мы же вроде пересекали эту дорогу? Или нет? Дорога точно ведет в пятый квадрат?

Только не показывать раздражение.

– Свернем через пару километров, нужно обогнуть опасный участок, – примирительно заметил Гончар.

Раздумывала она всего секунду, потом молча поднялась, закинула за спину рюкзак и зашагала в указанном направлении, не замечая, как впереди, во всю ширину дороги, от одних придорожных кустов до других, над землей поднимаются столбики голубоватого тумана.

Глава 2

От Лондона до Иркутска

12 августа, 10:05

Август в Лондоне выдался настолько жарким, что в Сохо, по слухам, плавился асфальт, и даже здесь, в районе Риджентс-парка, было жарко. Невысокие частные домики из красного кирпича утопали в зелени, раскидистые кроны деревьев создавали тень, но жители города все равно предпочитали прохладу кондиционеров, отчего улицы казались безлюдными. Лишь автомобили жались к обочинам, да толстые британские коты томно валялись на газонах. Темно-синий фургон Peugeot Boxer прятался от жары в тени старого платана, а внутри него прятались двое мужчин. Один, постарше, дремал, развалившись на водительском сиденье. Второй, помоложе, пил кофе, наблюдая за домом в нескольких десятках метров впереди. Даже в расслабленном состоянии оба производили впечатление людей, еще недавно носивших погоны.

— Ник, у нас движение, — по-английски произнес молодой человек с заметным американским акцентом.

Его напарник, коренастый, с крепкой шеей и выгоревшим на солнце коротким ежиком волос, открыл глаза и выпрямился.

– Похоже, мадам куда-то собралась, – уточнил американец. – Вопрос только – одна или с девчонкой.

– Сейчас увидим. – Ник провел ладонью по лицу, сгоняя остатки сна, и взялся за руль. – В нашу сторону направляется.

Его английский был слишком правильным для носителя языка, а едва уловимый акцент выдавал славянина.

«Лексус» вычурного красного цвета проплыл мимо фургона, плавно набирая скорость. Сквозь открытое окно автомобиля показался холеный женский профиль, промелькнули аккуратно обесцвеченные волосы.

– Девчонку заметил? – спросил Ник.

Американец покачал головой.

– Что делаем? Следуем за ними? – спросил он.

Ник молча кивнул и вывернул руль, съезжая с обочины.

Фургон держался сзади, он то приближался к «Лексусу», то отставал, пропуская вперед несколько автомобилей. Вести слежку на одной машине – профанация, но вряд ли блондинку учили замечать «хвост».

Через пару кварталов Ник с беспокойством взглянул на навигатор – ярко-красный кроссовер свернул на трассу, ведущую в аэропорт Хитроу. Ник чувствовал, как напрягся напарник на соседнем сиденье: проверить операцию в аэропорту, где на каждом шагу видеокамеры и охрана, будет почти невозможно. Однако вскоре «Лексус», мигнув левым поворотником, направился к съезду с трассы.

– В Южный Лондон едет, – облегченно выдохнул Ник.

– Мадам просто не хочет стоять в городских пробках, – хихикнул напарник.

Следуя за кроссовером, фургон подъехал к зданию частной клиники.

– В больничку девчонку потащила, – пробормотал американец, когда из машины следом за блондинкой вышла девочка лет восьми.

– Спасибо, сам бы я ни за что не догадался, – усмехнулся Ник. – Садись за руль, я пошел.

Он неторопливо направился к больничному крыльцу. Придержал дверь, пропуская блондинку, вошел следом, оглядел просторный холл и остановился у информационного стенда, откуда отлично просматривалось все помещение.

Блондинка, не выпуская дочкину руку, хотя по лицу той было видно, что ей это совсем не нравится, подошла к стойке регистратуры, быстро переговорила с сотрудником и зашагала к лифту. Девчонка недовольно тащилась следом. «А пигалица, похоже, с характером», – про себя усмехнулся Ник, разглядывая девочку. Обрезанные по колено джинсы, лохматящиеся нитками, футболка с портретом Че Гевары и свисающая на глаза давно не стриженная челка резко контрастировали с элегантным платьем и красиво уложенной прической ее матери. Не верилось, что женщина, уделяющая столько внимания своей внешности, не попыталась приодеть дочурку.

С нарочито скучающим видом Ник уселся в кресло для посетителей. Со стороны могло показаться, что он ждет родственников, ушедших к врачу.

Через полчаса, когда блондинка вновь появилась в холле, Ник точно так же незаметно пристроился за ней следом.

– Вот видишь, – по-русски говорила женщина дочери, – доктор сказал, что тебе гораздо лучше.

В этот момент в сумке у нее зазвонил телефон.

– Ага, лучше, – пробормотала девчонка, пока мать искала в сумке мобильный, – это я ему еще про сны не рассказала.

Мать ворчание девочки не расслышала; взглянув на номер, она взволнованно закричала в трубку:

– Ты где? Будешь через два часа? Отлично! Тогда мы с Заей успеем пройтись по магазинам.

И, повернувшись к дочери, радостно объявила:

– Папа приехал.

– Я же просила не называть меня Заей, – недовольно скривилась та.

Ник проводил взглядом женщину с девочкой до автомобиля и вернулся в фургон.

– У нас проблемы, – заявил он. – План меняется.

– Что так? – хмыкнул американец, заводя мотор.

– Муж будет дома через два часа. Придется все переигрывать.

Напарник Ника коротко выругался.

– Паша-Эльдорадо вернулся? Вот дерьмо!

Похищать ребенка на глазах у отца, бывшего сталкера, – совсем без мозгов нужно быть. Паша – тертый калач, Зоной наученный, да и кто знает, что у него в записке, какие диковины он из Зоны вытащил и себе оставил. И тянуть дальше нельзя – раз Эльдorado в Лондоне, значит, теперь дочку от себя не отпустит.

– Мать с девчонкой собрались в торговый центр, брать будем там, – уточнил Ник.

– Лады.

Фургон прочно провисел на хвосте «Лексуса» до самой громады торгового центра, выехал на нулевой уровень и запарковался поближе к выезду.

– Твоя очередь, – сказал Ник напарнику.

Американец вставил в ухо динамик, послушно вылез из машины и потрусил следом за ничего не подозревавшей блондинкой.

Через полтора часа в динамике Ника прозвучало:

– Они выходят. Накупили дерьма, еле пакеты тащат.

– Отлично. Я выдвигаюсь. Встретимся внизу у эскалатора.

– Понял.

Ник накинул на плечи летний бежевый пиджачок и вышел из фургона. Водрузил на тележку пустую картонную коробку солидных размеров и направился к раздвижным дверям магазина.

А дальше все произошло очень быстро.

Блондинка с девочкой не успели сойти с эскалатора, как

какой-то раззява налетел тележкой на молодого человека, тот, отпрыгнув, толкнул женщину, да так неловко, что та уронила пакеты, а он сам рассыпал кулек с конфетами. По отполированным до блеска мраморным плитам торгового центра покатались тюбики с тушью и флаконы шампуня, рассыпались карамельки в веселеньких фантиках, из пакета вывалился такой же вызывающе-красный, как и «Лексус», кружевной бюстгальтер.

– Смотри куда прешь! – раздраженно рывкнула женщина в ответ на «миль пардон» молодого человека.

Тот пробубнил извинения и бросился собирать вещи, первым делом потянувшись к бюстгальтеру. Блондинка со злостью вырвала из его рук лифчик и затолкала обратно в пакет, она была настолько раздосадована, что не заметила, как виновник этого маленького происшествия, отпихнув тележку под эскалатор, стремительным движением что-то вколол ее дочери. Подхватил падающее тельце и с ребенком на руках скрылся под эскалатором. Быстро открыл стоящую на тележке коробку и спрятал девочку. Снял пиджачок и надел уже вывернутым наизнанку. Теперь на ярко-голубом фоне белел логотип известной фирмы доставки, а голову мужчины покрывала фирменная голубая бейсболка.

Никто ничего не заметил. Проходившие мимо глазели на рассыпанные конфеты, на красный бюстгальтер, на такую же красную от гнева блондинку. Да и молодой человек умело загораживал собой напарника. Когда все было закончено, он

еще раз извинился и быстро направился к выходу, оставив недоумевающую мамашу оглядываться по сторонам: куда делась дочь? За его спиной звучал ее нервный голос:

– Зая, ты где? Какого лешего ты от меня прячешься? Вот расскажу отцу, он тебя выпорот!

Затолкав коробку с ребенком в фургон, похитители неторопливо выехали из торгового центра.

– В аэропорт? – спросил Ник. Он был за рулем.

– Куда же еще? – хихикнул американец.

– Посмотри, как там девочка.

– Да что ей будет, – буркнул напарник, но послушно пересел назад. Через несколько минут послышался его удовлетворенный голос: – Все норм. Сопит в две дырки. – И добавил радостно: – Ну что, работа сделана, сейчас отчитаемся, сбавим «посылку» и свободны. Можно по пиву. Ты как?

– Ну давай, отчитывайся, – невесело хмыкнул Ник.

– Ты чего такой смурной?

– Не люблю, когда в разборки взрослых втягивают детей, на такую работу я не подписывался. И вообще, зачем «Меркурию» эта малышка?

– Чтобы надавить на папашу, для чего же еще.

– А зачем? Зачем огромной корпорации надавливать на Пашу-Эльдорадо? Аномалией они вроде бы не интересуются.

– Будто бы ею вообще кто-то интересуется, – пробормотал американец.

Ник мысленно согласился с напарником. К Аномалии, состоящей из двух Зон, в Забайкалье и на Восточном Фолкленде, бизнес потерял интерес довольно давно. Артефакты оказались штучным товаром, затраты на поиск и доставку которых не окупались, воспроизвести их не удалось. А то, что нельзя включить в серию и выгодно всучить потребителю, бизнесу без надобности. Наука молчала, так и не поняв принцип действия феномена, для нее все артефакты выглядели магией и колдовством, в которые она не верила. Наука вообще предпочитала Аномалию не замечать, изучать ее считалось дурным тоном. Грантов на это не выделяли, и лишь отдельные чудаки пытались что-то делать на голом энтузиазме.

Что касалось обывателей, то к двум Зонам в разных полушариях Земли они давно привыкли. Да, есть такая хреновина. Да, опасная. Да, непонятная. Ну так что? Мало ли на Земле опасностей? Вулканы хотя бы. А еще встречаются цунами, землетрясения, тайфуны, наводнения – вот они куда опаснее Аномалии, потому что могут нагрянуть когда угодно и где угодно. А Зона что? Не суй туда нос, тебе его и не откусят.

– И все-таки я не понимаю, зачем похищать ребенка, – продолжал бурчать Ник. – Чтобы Паша места рыбные выдал? Так там уже давно ничего нет, и повезло ему всего однажды.

Лет десять назад Эльдорадо был обычным сталкером из Читы. Как и многие, ходил в Забайкалье за хабаром, разве

что был чуть смелее других, не боялся забредать ближе к центру Зоны, туда, где, по слухам, артефакты встречались гораздо чаще, зато и ловушки попадались на каждом шагу. Да только Паша был осторожным и везучим – ни разу ни во что не вляпался. А потом ему повезло по-крупному. Среди сталкеров ходили легенды, что в центре Зоны можно набрести на «эльдорадо» – место, где артефакты кучкуются сразу по несколько штук на одном пяточке. Вот Паше и посчастливилось найти такой пяточок. А еще хватило ума не трезвонить об этом, чтобы свои от жадности не порешили, а потихому договориться с серьезными людьми. И подстраховаться, чтобы не кинули. Так Паша стал не просто богатым, а очень богатым человеком. По желанию жены перебрался в Англию, вернее, перевез семью: сам в Лондоне бывал наездами, все-таки деньги-то он делал в Забайкалье. Со сталкерством завязал, вернее, бросил собирать хабар, но из опытных и вменяемых мужиков сколотил бригаду. Платил хорошо, семьям погибших помогал, конфликты старался разрешивать, не доводить до поножовщины, ну а если не получилось, реагировал жестко. Враги у него были, не без этого, да только вряд ли кто на ребенка руку бы поднял. Это надо уж совсем отморозком быть.

– Какая тебе разница, что от него нужно? – буркнул американец, покосившись на напарника. – Меньше знаешь – крепче спишь.

Он уже успел доложить, что «посылка» собрана и скоро

будет доставлена.

Действительно скоро – фургон подъезжал к аэропорту Лондон-Сити, где его уже ждали. Похитители выгрузили коробку и, минуя досмотр, подкатили к белой тушке «Фалькона», а потом остались нарезать круги по лаунж-зоне в ожидании дальнейших указаний.

Указания им не понравились.

Американец видел, как вытягивается лицо Ника во время телефонного разговора. Он подался вперед.

– Что там? Случилось что?

– Велено доставить еще одну «посылку» и непременно сегодня. Другая группа упустила, парень уже в Англии.

– Сегодня?! Да они там совсем рехнулись!

– Да, сегодня, потому что завтра нас перебросят на Фолкленды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.